

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Уральский государственный педагогический университет»

Институт иностранных языков

Кафедра профессионально-ориентированного языкового образования

С. М. Тиллоева

**Национальная специфика языков
(на материале семантической
синонимии персидского
и русского языков)**

Монография

Екатеринбург 2019

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш141.12-31+Ш152.131.1
Т40

Рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 68 от 07.10.2019)

Научный редактор: ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук – Холматова С.Д. (отдел словарей Института языка и литературы им. А. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан)
Рецензент: доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российско(Славянского)-Таджикского университета – Джабборова Махрабо Тухтасуновна

Тиллоева, С. М.

Т40 Национальная специфика языков (на материале семантической синонимии персидского и русского языков [Электронный ресурс] : монография / С. М. Тиллоева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-1205-9

В работе демонстрируется, что значение слова является относительно самостоятельной величиной, характеризуемой не только постоянной связью с другими словами и зависимостью от всей лексико-семантической системы языка, но и обладающей определенной «субстанцией» вне контекста.

УДК 811.222.1'37:811.161.1'37
ББК Ш141.12-31+Ш152.131.1

ISBN 978-5-7186-1205-9

© Тиллоева С. М., 2019
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. К вопросу о национальной специфике синонимии.....	5
1.1. Лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «гневно-раздраженное состояние человека».....	5
Глава 2. Парадигматика, синонимия и их взаимоотношения на уровне лексики.....	21
2.1. Взаимозаменяемость слов в разных речевых условиях....	21
2.2. Синтаксическая позиция лексических единиц.....	31
2.3. Оценочность как неотъемлемый элемент семантики слова.....	44
2.4. Дифференциальные семантические признаки лексических единиц.....	54
Заключение.....	63
Библиография.....	64

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты).

Система языка является средством представления, а тем самым и членения мира, континуум в действительности, которая существует независимо от нашего восприятия. Отражение действительности человеческим сознанием происходит на базе языка, а в каждом конкретном случае – того или иного языка. В процессе отражения язык накладывает на континуум действительности сетку системы, представляет этот континуум через призму своего строения. В силу того, что системы разных языков не совпадают друг с другом, в каждом отдельном языке обнаруживаются особенности представления действительности, обусловленные особенностями строения языка. Поскольку каждый язык отражает весь континуум действительности (имеет средства для его отражения), способ членения этого континуума не может зависеть от строения системы.

Исследование семантических изменений, происходящих в лексической системе сопоставительных языков, подтверждает, что в семантической структуре слов объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова. Но для правильного их выделения необходимо определение как характера этих элементов, так и тех соотношений, в которых они находятся.

ГЛАВА 1. К вопросу о национальной специфике синонимии

1.1. Лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «гневно-раздраженное состояние человека»

В связи с большим интересом, проявляемым в настоящее время к исследованию национальной специфики языков, и в особенности их семантики, весьма актуальным является вопрос о разработке способов описания национальной специфики семантического развития слова. Национальная специфика семантики выявляется только при сопоставлении единицы одного языка с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку. Она проявляется в трех основных аспектах:

- безэквивалентность (эндемичность) единиц;
- лакуарность;
- национальная специфика значения единицы – ее отличие по компонентам значения [1, с. 167].

Национальная специфика обнаруживается в денотативном, коннотативном и функциональном компонентах значения, а также в нескольких компонентах одновременно [2, с. 46].

В рамках сопоставительного метода нами была предпринята попытка определить такие способы на материале синонимических рядов русского, таджикского и персидского языков.

Мир, описываемый языком, находится в постоянном изменении, и чтобы поспеть за этими изменениями, мы создаем в нашем сознании или, по крайней мере, в языке определенные более или менее стабильные точки, средние единицы [4, с. 44]. В реальном мире средних единиц не бывает, но они существуют в языке, который воспроизводит мир, подчиняя его своей собственной организации [5, с. 200]. Язык

организован таким образом, что все его системы и подсистемы являются открытыми классами с центром (ядром) и периферией [6, с. 456].

В ядре находятся значения, характеризующиеся предметной отнесенностью языковой единицы. Они стабильны, нацелены на «фиксацию» главной мысли и зарегистрированы в виде лексико-семантической и грамматической информации в различных типах словарей и грамматических справочников. Согласно В. Г. Гаку, именно «благодаря наличию твердого ядра в понятии и, следовательно, в значении слова осуществляется взаимопонимание людей, говорящих на одном языке» [6]. На наш взгляд, однако, это утверждение является правомерным не только по отношению к ядерным, но и к периферийным значениям языковых единиц, поскольку они могут быть так же, как и ядерные значения, освоены и зафиксированы в словарях в виде словарных статей или грамматических правил в различного рода учебниках и учебных пособиях. Одно из доказательств данного утверждения – множество уже исследованных и внесенных в словари синонимических рядов, отражающих в языке полученную информацию в сознании носителей данного языка.

Известно, что синонимический ряд, как и другие языковые образования, имеет системный характер, на что впервые обратил внимание Ю. Д. Апресян [7, с. 84-88]. Синонимический ряд состоит из центра, или ядра, и периферии. Центральная, или ядерная, часть синонимического ряда, как показывает анализ, стабильна, устойчива, периферия подвижна, изменчива и включает в себя как устаревшие элементы языка, так и новации.

Здесь важно заметить, что как между многими словами сопоставляемых языков нет соответствия в их значениях, так и между синонимическими рядами сопоставляемых языков не может быть полного соответствия. В каждом языке существуют понятия, предметы или явления, представленные богатым набором слов, выражающих тонкие смысловые нюансы, относящиеся к кругу данного понятия, явления

или предмета, в то время как в ряде других языков имеется лишь одно или два слова для выражения только основного по смыслу понятия.

Актуальность исследования лексики, используемой для описания состояния человека в трех языках, объясняется тем, что языковые единицы разных уровней с семантикой «человек» демонстрируют специфику языковой картины мира данной нации.

Одним из активных пластов лексического состава языка являются лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «гневно-раздраженное состояние человека».

Анализ проводится с опорой на следующие источники: толковые словари русского языка, Фарханги забони тоҷики, толковый словарь персидского языка, синонимические словари русского, таджикского языков и переводные словари.

При характеристике лексической репрезентации данного смысла учитываются: количество элементов в синонимических рядах ключевых слов, репрезентирующих данный смысл; особенности денотативных и оценочных аспектов семантики; стилевая маркированность элементов ряда; частотность речевой актуализации членов синонимических рядов.

Количество элементов в синонимическом ряду ключевого слова показывает, что в персидском языке оно разработано больше. Число синонимов слова *гневный* – 4; *газабнок* – 5; *خشم آلود* – 8.

Так, синонимический ряд русского языка с исходным значением «гневно-раздраженное состояние» включает цикл: *бешеный, гневный, жгучий, яростный*. *Гневный* наиболее точно выражает основное конкретное значение – *чувство сильного негодования, возмущения* и относится к нейтральному стилю, употребляясь чаще других своих синонимов. «Я видел ее вспыхнувшее лицо, ее гневные и страдающие глаза» [9, с. 23].

Чтобы объяснить, почему указанные лексемы были объединены в один синонимический ряд, обратимся к толковому словарю русского языка и попытаемся на основе дефиниции определить, каким образом

связаны эти значения и какие различительные семантические элементы служат основанием для их разграничения.

Так, значение слова *бешеный* определяется в четырехтомном словаре следующим образом [9, т. 1, с. 89]:

1. *Больной бешенством, взбесившийся* (о животных).
2. *Исступленный, необузданный, неистовый // выражающий бешенство // яростный, бурный // горячий, буйный.*
3. *Чрезмерный по силе проявления.*

Главным компонентом для данного словаря является вторая дефиниция с оттенком значения: *исступленный, необузданный, яростный, неистовый*.

Таким образом, выходит, что *бешеные глаза* – *исступленные, необузданные, яростные, горячие*.

Жгучий 1. *Горячий, обжигающий, палящий // ощущение жжения, причиняющий острую боль.* 2. *Остропереживаемый; мучительный* [9, с. 474].

Как видно, в словаре для слова *жгучий* не отмечается значение, синонимичное словам *гневный, бешеный*. Следовательно, оно является контекстуальным синонимом. Однако в первой дефиниции к слову *жгучий* в словаре выделен компонент *горячий*, который отмечается в словаре и к прилагательному *бешеный*. Отсюда следует, что компонент *горячий* является связывающим звеном между этими единицами. Данный компонент – *горячий* – в контексте насыщается дополнительным значением: *жгучие глаза* – *горячие, яростные*.

«*Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие*» [11, с. 45].

Яростный 1. *Полный ярости, гнева // выражающий ярость, гнев.* 2. *Неукротимый, неистовый* (о стихиях, явлениях природы). 3. *Чрезмерный, крайний в своем проявлении, необычайный по своей силе, интенсивности // производимый с исступлением, ожесточением, упорством.* 4. То же, что *ярый* [12, т. 1, с. 784].

Главным компонентом здесь является первая дефиниция – *ярость, гнев*.

Следовательно, синонимический ряд слов, обозначающих чувство сильного негодования, возмущения, состояние гнева, ярости, в русском языке выглядит следующим образом: *гневный, бешеный, яростный, жгучий*.

Синонимический ряд таджикского языка с исходным значением (гневно-раздраженное состояние) включает цикл: *газабнок, пурхам, пургазаб, кахролуд, баркнигох*, который отличается от русского синонимического ряда тонкими смысловыми нюансами.

Наиболее точно основное значение данного ряда выражает слово *газабнок (гневный)*, следовательно, оно выступает как опорное слово в синонимическом ряду. Однако, на первый взгляд, слово *газабнок* можно было бы рассмотреть как эмоционально окрашенное, тогда выделение его как доминанты было бы неправильным, так как опорное слово не должно иметь дополнительных оттенков.

Следует отметить, что по вопросу о связи семантики слова с экспрессивной значимостью высказывались самые различные мнения. Так, в ряде работ проводится выделение «эмоциональной лексики», к которой относятся слова вроде *любить, ненавидеть, гнев, красивый, плохой, раздражен* и т. п. наряду с суффиксальным образованием типа *песочек, миленький, солнышко*. Можно ли объединить эти слова? Эмоциональная окраска таких слов, как *любить, ненавидеть*, целиком определяется их содержанием, а именно тем, что данные слова непосредственно обозначают различные эмоции, настроения [13, с. 67].

Нельзя не согласиться с точкой зрения Д. Н. Шмелева, который утверждал, что если эти слова считать как таковые «эмоциональными», то такое понимание эмоциональных моментов в лексике будет основано не на лингвистических категориях, а на характеристике самих предметов и явлений. Выделение «эмоциональной лексики», считает он, при таком подходе является результатом предметно-тематической классификации слов, тогда как образования с уменьши-

тельными и другими суффиксами включаются в ту же группу «эмоциональной лексики» на основании уже совсем иных признаков. Кроме того, определенного рода эмоционально-оценочные моменты могут быть объективно закреплены за словом. *Кляча – это не просто лошадь, а плохая лошадь, вонять – не просто пахнуть, а дурно пахнуть.* Слово же *любить* обозначает чувство, которое в разных условиях может вызывать совершенно различные отношения со стороны говорящего, быть источником самых разнообразных эмоций у собеседников, так же как и такие слова, как *ненависть, гнев, красивый*, не говоря уже о том, что в целом ряде контекстов они выступают как эмоционально нейтральные знаки «отвлеченных» понятий, и поэтому их противопоставление «отвлеченной лексике» не является безусловным.

Принимая точку зрения Д. Н. Шмелева, мы выделяем, во-первых, слова, которые сами по себе обозначают определенные эмоции и переживания, имеют эмоционально-оценочные значения, во-вторых, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств, и, в-третьих, слова, в собственном лексическом значении которых заключена определенная оценка обозначаемых ими явлений. Только по отношению к двум последним группам слов было бы оправданным наименование «эмоционально окрашенная лексика», так как слова, обозначающие эмоции, не окрашены этими эмоциями, а непосредственно отображают их своими значениями.

Следовательно, прилагательное *газабнок*, не являясь «эмоционально окрашенным» (эмоция заложена в семантике), выступает нейтральным синонимом к остальным единицам синонимического ряда.

В Фарханге не отмечаются значения синонимов *газабнок, пургазаб, пурхашм*. Однако семантика производных слов *пургазаб* и *пурхашм* – *хашм, газаб* в полном соответствии со словом *газабнок* определяется, как *кахр, газаб – раздражение*. ТРС выделяет также оттенки значения слов *хашм, газаб*. *Хашм* – не только *гнев*, но и *ярость*. *Газаб* – *гнев, негодование* [14, с. 786].

Следовательно, различие между словами *пурхашм*, *пургазаб* заключается в том, что *пурхашм* выражает гневное состояние, доходящее до бешенства, а *пургазаб* – состояние полного *недовольства*, *возмущения*. Тем не менее между ними существует связь. Эту связь осуществляет компонент *гневное состояние*, который является главным доминирующим компонентом в семантической структуре слов.

К словам *пурхашм* – *полный гнева, ярости*; *пургазаб* – *полный гнева, негодования* близка семантика слова *кахролуд*, одно из значений которого в Фарханге определяется как *хашм*, *газаб* – *гнев, ярость* [15, т. 2, с. 867]. В Таджикско-русском словаре у слова *кахр* выделен оттенок *злость, обида* [16, с. 153]. Следовательно, *кахролуд* – *состояние горечи, досады*, вызываемое несправедливым, оскорбительным отношением к себе.

Таким образом, на основе толкования значений синонимов *газабнок*, *пургазаб*, *пурхашм*, *кахролуд*, данных в словарях, мы отметили как общие элементы значения, так и те отличия, которые существенны для отграничения значения одной лексемы от соотносимых с ней.

Одновременно была установлена своего рода определенная иерархия слов по расчлененности их значений. Несколько упрощенно она может быть представлена в следующем виде:

Пурхашм – полный гнева + ярости;

Пургазаб – полный гнева + негодования;

Кахролуд – гнев + злость + обида.

Слова указанного синонимического ряда отличаются от своей доминанты не только оттенками значения, но и стилистической окраской. Будучи стилистически окрашенными, они преимущественно употребляются в языке художественной литературы. Именно в контексте смысловые и эмоциональные различия между единицами синонимического ряда выступают то с большой остротой, то смягчаются:

«... аз чашмони пурхашмаш маълум шуда меистод, ки аз чи сабабкахраш омадааст» [18, с. 34] – «... по его гневному взгляду можно было понять причину его негодования».

Следует отметить, что в синонимическом ряду с исходным значением *гневное состояние* контекстуальным синонимом выступает прилагательное *баркнигох*, производное от слова *барк* – *молния*. Молния, как известно, ассоциируется у нас с источником света. Следовательно, в контексте, получая дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску, характерную для эпитета, оказывается в одном синонимическом ряду с эпитетами: *газаболуд*, *пурхаим*. *Чаимони баркнигох* – *глаза полные ярости, гнева*.

Именно в контексте проявляется элемент значения *гнев, ярость* слова *баркнигох*, следовательно, прямое значение этого слова осложняется метафорическим значением. «*Дуртар рав!*» – *гуфт у, сар то пои дируза додархондаширо бо оташи чаимони баркнигохи худ сузонда*» [18, с. 40]. «*Убирайся!*» – *крикнул он, обжигая своим гневным взглядом своего вчерашнего названного брата*».

В синонимическом ряду слова *газабнок* элементы также стилистически маркированы: к нейтральному стилю принадлежит само слово *газабнок*, а к книжному стилю речи – остальные компоненты ряда.

В персидском языке для выражения данного значения функционирует *پرخشم جوشیدهمغنز* – «испытывающий злость, гнев или ярость, злой, сердитый, гневный, яростный, взбешенный».

Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) интенсивность эмоции, 2) причины, которые ее вызывают, 3) характер и формы проявления эмоции.

] *دژکام* 19, т. 1, с. 589] *книжн.* 1) раздраженный; гневный; 2) грустный, огорченный, опечаленный,] *دژند* 19, с. 654] *книжн.* 1) грустный, унылый, печальный, подавленный, удрученный; павший духом, 2) грозный; гневный, разгневанный.

نژند [21, с. 590] обозначает эмоции средней степени интенсивности,

ارغنده، ، خشمالود ، چشمغره دژم، а *– غیظالود*
– эмоции крайней степени интенсивности. *دژم ، چشمغره ، خشمگین ، خشمگین ، قهرالود پرخش*

، چو شد یدھغز، چشمغره ، ، غیظالود ، خشمالود ، پرخش ، خشمگین
قهرالود (гневный; гневный, угрожающий взгляд; гневный, злой;
гневный, рассерженный, пришедший в ярость; гневный, яростный,
сердитый) – стилистически различные способы проявления эмоции,
которая является либо реакцией на причиненные субъекту зло, обиду и
т. п., либо следствием оценки какого-то лица, поступка или факта как
несправедливого, недостойного или аморального. Из этих синонимов
خشمگین является наиболее общим по значению словом; خشمگین может
обозначать и кратковременную вспышку злобы, и более устойчивое
чувство, и праведный гнев, и гнев почти беспричинный или не имею-
щий объективных оснований, и бурно проявляющийся: ، خشمگین شدن ،
خشمگین کردن.

، چشمغره جو شد یدھغز، پرخش، دژ، (яростный, свирепый; рассвирепевший, пришедший в ярость) обозначают сильнейшую степень эмоции, граничащей с помутнением рассудка или потерей контроля над своим поведением и поэтому очень бурно проявляющейся; при этом бурность реакции объясняется не столько значительностью вызвавших ее причин, сколько особенностями темперамента, психологического склада личности и т. п.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Количественный анализ понятия «гневно-раздраженное состояние» показал, что персидский синонимический ряд более обширен, а лексема خشمگین более частотна, как в таджикском, так в персидском языке, чем русское слово. Особенностью вышеперечисленных слов в персидском и таджикском языках является их многозначность, поэтому эти показатели характеризуют не только рассматриваемый в данном параграфе смысл. Качественный анализ только ключевого смысла в этой связи более показателен. По его результатам выявлено, что для разных национальных обществ в этом понятии на первый план выходят различные семы («*пурхаим, پرخش*» – «*полный ярости, гнева*» – в таджикском и персидском языках, «*неистовый*» – в русском). Данные наблюдения свидетельствуют об отсутствии линейной корреляции

культурной доминанты и характера ее репрезентации в лексических системах сравниваемых языков.

Итак, синонимический ряд есть средство построения и представления концептуальной картины мира. Важным для развиваемой концепции является положение о непрерывном характере построения синонимических рядов, определяемом постоянно осуществляющимися в них процессами отождествления и различения получаемой извне информации в различных синонимических единицах. Поэтому синонимический ряд является не только средством фиксации информации об анализируемом фрагменте мира, но и средством дальнейшего расширения и углубления познания этого фрагмента.

Специфика синонимического ряда состоит в том, что он наиболее ярко отражает динамику освоения и познания мира человеком. Цепочка последовательных ходов и становления мысли показывает, что при формировании смысла вступают в сложные постоянные отношения как ядерные и периферийные значения одного синонима, так и периферийные значения разных синонимов. Как те, так и другие значения при формировании смысла могут быть избирательными к значениям определенных семантических классов.

Значительный интерес представляют, на наш взгляд, синонимические ряды с лексемами *глаза* и *губы* в русском языке. *Очи* и *уста* относятся к стилистически отмеченной – высокой, поэтической – лексике. Следствием этой отмеченности является ограничение сферы их употребления: обладателем *очей* и *уст* может быть только человек. Широко известно замечание Ю. Д. Апресяна о том, что «в ряду квазисинонимов *глаза, очи, зенки* ... лишь стилистически нейтральное слово *глаза* обозначает орган зрения любого живого существа... Книжное слово *очи* и просторечное пейоративное *зенки* отличаются от своего нейтрального квазисинонима не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. *Очи* обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. *Зенки* тоже обозначают глаза только человека, но маленькие, некрасивые, непри-

ятные» [22, с. 84-88]. Соотнесенность стилистически высокого (или даже просто «книжного») с человеком является, по-видимому, языковой универсалией. Эту тенденцию можно проследить не только на русском языковом материале, но и в других языках. Ср.: «В ряду синонимов *face, countenance, visage* ‘лицо’ лишь первое, стилистически нейтральное, слово способно обозначать переднюю часть головы не только человека, но и животного и, следовательно, сочетаться с названием животного: *themonkey’sface, “Theface of Katy* (имя свиньи) *wasatiger’sface* (Steinbeck)”. *Countenance* и *visage*, слова книжного языка, с неизбежными в таких случаях ассоциациями красоты и величия, неспособны обозначать морду животного и используются, следовательно, только применительно к человеку» [23, с. 252].

Соотнесенность «высоких», «книжных» вариантов с человеком в условиях стилистической дифференциации может иметь семантическое объяснение, ведь компонент «умозрительность», который присущ исконно церковнославянской лексике, приложим именно к человеку.

Но как с этой точки зрения следует интерпретировать современное языковое восприятие таких слов, как *очи* и *уста*? Можно ли их считать абстрактными, умозрительными вариантами нейтральных *глаз* и *зуб*? В чем, собственно, может проявляться подобная абстрактность? В отсутствии физической пространственности? В отвлечении от внешних признаков соответствующих объектов?

Языковой материал позволяет говорить о двух функциональных возможностях использования *очей* и *уст*, в каждой из которых эти слова уникальны в том смысле, что описывают свою, особую, предметную область.

Первая связана с образностью, наличием в семантике данных слов своего рода эстетической составляющей. *Очи* – это не просто глаза, но выразительные, красивые, производящие впечатление. Именно поэтому слово *очи* может быть просто противопоставлено слову *глаза* без каких-либо специальных пояснений. Мы имеем в виду известную фразу из «Молодой гвардии» А. Фадеева – «У Ульяны не глаза, а очи»,

где *очи* не только называют соответствующий объект, но и характеризуют его. *Уста* – это не просто *губы* или *рот*, но и одновременное их определение. Ср.: пример из Словаря эпитетов «*О, Боже мой! Как легут прекрасные уста, // Как холодны твои пленительные очи*» [24, с. 211].

Вторую возможность рассматриваемые слова обретают вследствие актуализации компонента «духовность»: в русском языковом сознании *уста* и *очи* чужды обыденности, не нейтральны. Именно поэтому «высокие» *очи* (в отличие от нейтральных *глаз*) описывают не только физические, но и духовные, присущие только человеку, способности. Ср.: *перед его мысленными очами...*, где *очи* прилагаются к памяти, воображению, *увидеть мысленными очами*, где *очи* являются органом интуиции.

Аналогично и *уста*, помещаясь в разряд «высоких», теряют ассоциативную связь с анатомией и начинают восприниматься как источник речи, а значит – выразитель существа человека. Не случайно из множества речений и поговорок в современном обиходе удержались лишь те, что связаны с этой смысловой доминантой: *из уст в уста, из первых уст, у всех на устах, не сходить с уст, устами младенца...* Зафиксированные у В. И. Даля пословицы, описывающие способность *уст* к восприятию «гастрономических» впечатлений, для носителя современного языка звучат архаично. Ср.: «*Этот кус не твоих уст*»; «*Всяк несет уста, где вода чиста*»; «*У кого в руках, у того и в устах*» [25, с. 514].

Любопытно, что утверждению в этом новом статусе названий «орудий» высшей разумной деятельности – созерцания (*очи*) и рече-производства (*уста*) – способствует и подспудное действие компонента «абстрактность», связанного с церковнославянским происхождением рассматриваемых слов: что называют *уста*? (*рот*? *губы*? *язык*?) в высказываниях типа *Уста славят Господа; Во власти лживых уст или даже Из уст в уста...*? Очевидно, что современным языковым сознанием предметная область данного слова воспринимается обобщенно. Что называют *очи* в высказываниях *духовные очи, очи сердца, души, телесные очи ...*? *Очи* здесь – не простой орган зрения, а название не-

коей общей способности человека к постижению явлений, способности, которая реализуется либо путем наружного зрения (*телесные, плотские очи*), либо посредством внутреннего зрения (*духовные очи*). Ср.: «*И самого меня являешь ты // Очам души моей*» [26, с. 345]; «... и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его» [26]. В древнерусском языке «открыть сердечные очи» значило «открыть возможность к пониманию». Как обозначение нетривиальной способности к восприятию и переживанию чувств *очи* используются в следующем примере: (из Второго послания Курбского) «... *аще и многогрешному, но очи сердечные имущу...*» [27, с. 110]. Ср. перевод: «... *пусть и многогрешному, но имеющему чуткое сердце...*». Данный пример подсказывает, что выражения *сердечные очи, очи сердца* могли пониматься двояко – в зависимости от акцента на том или другом компоненте. Определение *сердечные* актуализирует в *очах* «внутреннее», то есть *сердечные очи* – это «внутреннее, мысленное зрение». *Очи* же в отношении *сердца – сердечного* – актуализируют «духовность»: *сердечные очи* – это «чуткое (зоркое) сердце».

Итак, будучи исходно названием «части», *очи и уста* способны к описанию «целого». Приведем пример, где *око* выступает заместителем всего субъекта и, как следствие, обладает способностью не только «видеть», но и «слышать», а также «принимать решения», «поступать» и т. п.: «*Всевидящее же око Божие, виде стонание их и не презре, но просимое ими от Него восхоте им даровати и к великой страдалнице причтати неразлучно*» [28, с. 137].

То, что *уста и очи*, а не *губы и глаза* могут мыслиться как целостная духовная сущность (*уста* – как синоним «человека говорящего» а *очи* – как синоним «человека созерцающего»), определяется и фактором «старшинства»: *губы и глаза* – слова более поздние, они получили широкое распространение только в XVI-XVII веках, при этом первоначально выступали как сниженные экспрессивные варианты нейтральных и универсальных *уст и очей*. Закономерно поэтому, что реликтовые словесные формулы используют *уста и очи*. Думается,

однако, что рассматриваемые слова воспринимаются носителем современного языка как единственно возможные в контекстах типа *перед мысленными очами, все лгут прекрасные уста* не только в силу идиоматизации, но и потому, что за ними закрепилась особая предметная область. Сказанное подтверждается фактами фразеологической сочетаемости, которые свидетельствуют о выборочности языковой памяти. Дело в том, что в языковом узусе не удержались те фразеологизмы, в которых слово *очи* используется в нейтральном значении тривиального органа зрения. Ср.: «*Сам своима беззаконныма очима видал еси...*» [29, с. 27]; «*Аще ли не веруете, да узрите своима очима*» (СДРЯ, II. С. 301). В подобных случаях естественным образом произошла замена *очей* на *глаза*, и фразеологизм видоизменился, чего нельзя сказать о выражениях *мысленные очи; очи сердца, души; видеть внутренним оком* и т. п.

Становится понятным, почему *очи* и *уста* труднопереводимы, ведь им нет точных аналогов в других языках: к примеру, как перевести сочетание *очи души* без потери смысла? Приведем в смысловом плане адекватную передачу *очей* с помощью *памяти* в современной англоязычной версии 109-го псалма: «*Да будут они всегда в очах Господа...*» – «*May the Lord always remember their sins...*» [33, с. 38].

Итак, литературный язык сохранил для нас значения и многие модели употребления *очей* и *уст*, чего нельзя сказать о других «высоких» наименованиях частей тела. Сама эта парность названий, наличие «высоких», поэтических вариантов сохранились лишь в редких случаях: *перст* и *стопа* – фразеологически связанные единицы, а *перси, ланиты, рамена* всецело относятся к прошлому языка. Между тем *очи* и *уста*, находясь на периферии повседневной речевой практики, в сознании носителей языка имеют вполне четкие смысловые ассоциации.

Устойчивость и универсальный характер этих ассоциаций, безусловно, определяются активностью использования рассматриваемых слов в культурнозначимых для носителей языка текстах – философских, поэтических, религиозных. Причина этого особого положения *очей* и

уст, на наш взгляд, определяется ценностными представлениями носителей языка. В ряду характеристик человека *глаза* и *язык*, по-видимому, относятся к основным – и как два орудия воздействия, и как два источника впечатлений о человеке. Поэтому «высокие» *очи* можно рассматривать как эстетический эквивалент лица (настроения, характера...), а *уста* – как этический эквивалент личности (ее речевого поведения).

Кроме того, благодаря наличию «высокого» стилистического варианта для названия *глаз* в русском языке сохраняется противопоставление материального (физического) и идеального (духовного) зрения.

Таким образом, синонимический ряд – это не неизменное явление. Это динамичная, открытая, гибкая структура, расширение границ которой не может быть объяснено изменениями лишь на вербальном уровне. Расширение синонимических рядов предопределяется изменениями, происходящими во внеязыковой действительности и в концептуальной системе знаний человека об этом мире, различными когнитивными процессами, развитием науки о языке, расширением лингвистической научной парадигмы.

Многочисленные ряды синонимов, включение разными авторами различного количества языковых единиц в синонимический ряд с одним и тем же значением, изменения в картине мира современных носителей языка, влекущие за собой изменения в составе синонимических рядов, смена дифференциальных признаков и вида коннотаций убедительно свидетельствуют о динамическом характере синонимического ряда. Эта динамика обусловлена тем, что синонимический ряд отражает степень освоения мира человеком.

Поскольку язык вербализует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение, факт недостаточности того или иного языкового арсенала при контрастивном исследовании русского, таджикского и персидского языков налицо.

На материале синонимического ряда со смысловой основой *зневное, яростное, раздраженное состояние*, включающего в свой цикл как общеязыковые, так и индивидуально-авторские синонимы, в

сопоставляемых языках нами были выявлены общие и специфические признаки.

Таким образом, проведенное исследование служит еще одним доказательством существования национально-культурного своеобразия различных языковых систем. Сопоставление семантики лексем разных языков, выражающих одно и то же понятие, дает возможность выяснить специфику отражения окружающего мира в языковом сознании носителей данных языков. Каждый язык по-своему членит мир, имеет свою особую языковую картину мира. В близких понятиях разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые понятия не полностью совпадают по своему содержанию. Именно в этом проявляется специфически национальное восприятие мира, зафиксированное в языке.

ГЛАВА 2. Парадигматика, синонимия и их взаимоотношения на уровне лексики

2.1. Взаимозаменяемость слов в разных речевых условиях

В современных лингвистических исследованиях наряду с четко обозначенным отказом от изучения языка как предмета «в себе и для себя» все более укрепляется интерес к человеку как создателю и пользователю языка, как отмечалось выше. Антропоцентрические основы в исследовании языковых явлений, заложенные в трудах В. Гумбольдта, О. Есперсена, Ш. Балли, Э. Бенвениста, приобретают все большее значение в современных исследовательских работах.

Особенно ярко это проявляется в изучении и описании языковых явлений, где антропоцентрические и культурные компоненты становятся основополагающими ориентирами и целью лингвистического анализа. Те приоритеты, которые долгое время при исследовании языка находились в центре внимания лингвистов (структурно-системное значение, референциальное / денотативное значение), отступают на задний план. Языковая единица связана своим значением не только с реальными объектами, существующими вне языка, и со значениями, приобретаемыми в своих парадигматических и синтагматических отношениях внутри системы языка (лексические, морфологические, синтаксические), но с говорящим на данном языке человеком [58, с. 123].

Следовательно, выход за рамки так называемой «чистой» лингвистики и философии языка открывает широкие перспективы в мир субъективного, ибо любая языковая единица является продуктом работы сознания человека. Все это способствовало повороту лингвистической науки к человеку – носителю языка – и к той культурной среде, в которой он живет и работает. Такая тенденция в лингвистике позволяет увидеть в новых ракурсах и осмыслить в новой системе координат то, что специфично для функционирования языка в естественных

условиях, когда он (язык) выступает, как отмечает А. А. Залевская, в качестве действенного инструмента познания и коммуникации для реальных носителей языка – живых, активных и пристрастных, чувствующих, мыслящих и переживающих [27, с. 310].

Следствием принятия новой системы координат является переосмотр многих фундаментальных проблем в исследовании языковых единиц, к числу которых относится также анализ синонимических отношений между языковыми единицами, в котором приобретают место новые очертания, связанные с учетом человеческого фактора в языке.

Поскольку многие слова отличаются от каких-то других слов только отдельными элементами значения (при общности других элементов), можно предположить, что существуют такие ситуации, при которых эти несовпадающие элементы значения становятся несущественными, а следовательно, данные слова оказываются взаимозаменяемыми. И, наоборот, – взаимозаменяемые в определенных ситуациях слова в других случаях выступают противопоставленными друг другу.

Вышеизложенное проиллюстрируем на материале художественной литературы. Так, в таджикско-персидской поэзии прилагательные *нили – голубой*, *самои – лазурный* в сочетании с существительным *чаим – глаза* или в русском языке слова *малиновый, карминный* в сочетании со словами *губы* в определенных контекстах могут употребляться недифференцированно:

Намоён шуд ба чаимони самои

Каме аз хирсу эхсоти дилхо. –

Под куполом синим на скудной земле

Окрестности сущего тонут во мгле [104, ч. 1, с. 38].

Сочетание *чаимони самои* переводится как *голубые глаза*. Однако в приведенном выше контексте имеет значение – небосвод.

Хар он чи шик донад мо надонем,

Паямбарро кушод чаимони нилї. –

Все, что ведомо любви, нам неведомо,

Явилось видение пророку Чашмони нили – голубые глаза, небо-свод [107, ч. 1, 35].

«Все лицо имело нежный, ровный, фарфорово-розовый оттенок, а малиновые, гибкие губы постоянно кокетливо шевелились» [98, с. 35]; *«Любовалась (цыганка) красотой своей дочери, пламенем очей ее, правильностью карминных губ»* [96, с. 28]; то есть в данных контекстах противопоставление этих слов по некоторым семантическим признакам нейтрализуется.

Однако эта позиционно обусловленная нейтрализация не разрушает противопоставления слов в пределах образуемой ими более «частной» парадигмы. Ср. возможность индивидуально-контекстного подчеркивания подобного противопоставления: *«У Ули были очи, а не глаза»* [115, с. 98]. Сравнение такого рода противопоставлений также взаимозаменяемых в некоторых ситуациях слов (в частности, в таджикском языке):

*Эй, умре шуд, ки то беморам аз мижгони ту,
Гӯ: Нигохе кун, ки пеши чаими шахло мирамат. –
Твои лукавые глаза меня в смятенье привели,
Молю, хоть искоса взгляни, от муки сердце исцели.*

[107, ч. 1, с. 573]

*Ду шахло наргисаи аз гиря чун гул,
Зи тоби чехраи мушк он ду сунбул. –
Слез полны ее глаза,
С прекрасного лица ниспадают локоны.*

[107, ч. 1, с. 577]

Взаимозаменяемость слов в одних речевых условиях и их противопоставленность в других, как правило, свидетельствуют об их принадлежности к лексико-семантическим парадигмам разных уровней – более частным, то есть к группе слов, объединяемых на основе меньшего или большего числа дифференциальных признаков. Например, оценочные прилагательные, характеризующие характер человека (выражение глаз) в таджикском и персидском языках: *пок, соф, беғубор,*

равшан, шаффоф, ноб – чистый, противопоставлены друг другу по ряду признаков, которые существенны в пределах образуемой этими прилагательными парадигмы: «*Гӯраҳои гирда, ки паи гул нӯгашон мисли миҷғони барғаишта метобанд, ӯамчу чашимони шаффоф ва тоза менамоянд*» – «*Неспелые плоды округи из-под распустившихся почек были подобны прозрачной и чистой росе (чистым и ясным глазам)*» [106, с. 34]; «*Ман инро, писарам, аз табассуми чашимони равшанаи мехондам*» – «*Все это, сын мой, я читал по его улыбке и чистому взгляду*» [106, с. 242]; «*Бале, тақрибан хамин тавр, – мегуфт Мирхабиб ва мо аз суханҳои нарму табассуми гарм ва дурахшии чашимони софи ӯ шод мегардидем*» – «*Браво, примерно так, говорил Мирхабиб, и мы радовались его мягким речам и приятной улыбке*» [106, с. 243];

Оби ӯ хамчу ашки чаши зулол,

Бас гуворову сарду рохати чон –

Воды его подобны чистым слезам,

Довольно удовольствий и блаженства [107, с. 16].

В то же время они входят и в более общую парадигму, в которой все вместе оказываются противопоставленными таким словам, как *мурдор, нафратовар – грязный*, образующим, в свою очередь, отдельную более частную парадигму. Взаимозаменяемые на одном семантическом уровне слова становятся противопоставленными на другом семантическом уровне. Крайние, предельные случаи подобной взаимозаменяемости и противопоставленности можно рассматривать как синонимию и антонимию.

Имеющее длительную традицию учение о синонимах и антонимах по существу является следствием (зачастую проведенных непоследовательно) наблюдений над семантическими связями слов, над тем, что «собственное» значение слова как-то обусловлено его соотношением с другими словами.

Правда, в трактовке синонимов и антонимов как раз сказывается в большей мере сила, так сказать, терминологической инерции, какая-то подсознательная уверенность в том, что синонимы и антонимы –

это уже представленные исследователю «реалии» языка, которые подлежат только адекватному переводу. Между тем, например, само положение о том, что в языке не существует абсолютных синонимов (положение, повторяемое различными авторами), заставляет воспринимать данную категорию как до некоторой степени условное обозначение таких языковых явлений, которые могут быть истолкованы и названы неодинаково, в зависимости от принятых критериев. Если в языке, как правило, нет абсолютных синонимов, то сама синонимичность может, следовательно, иметь более или менее выраженный характер, а слова – более или менее синонимичными. Значит, нет и абсолютной границы для синонимов, и трудность ее определения зависит, прежде всего, от самой природы устанавливаемой категории. Поэтому спор о том, что такая степень семантической близости свидетельствует о некоей подлинной синонимичности слов, может оказаться беспредметным.

Существует мнение о разном понимании синонимов, имея в виду, что одни называют синонимами, например, в русском языке, только слова типа *голова-башка* [113], другие, напротив, исключая эти слова из синонимии, относят к синонимам *дождь – ливень, книга – фолиант* [114]. Здесь следует говорить не о разном понимании синонимов, а о различном употреблении термина, о его применении не к тем же самым явлениям языка. Наивное, на наш взгляд, убеждение в том, что какие-то «реальные» синонимы уже отграничены в самом языке, приводит к трудности, отмеченной, например, А. И. Уемовым, который пишет: «Если мы хотим дать определение синонимов вообще, то мы должны выбрать одно из определений и отбросить все остальные... Таким образом, возникает затруднение: мы должны дать определение синонимов так, чтобы оно соответствовало реальным синонимам, но, с другой стороны, круг синонимов будет определяться в зависимости от нашего определения» [115, с. 26-48]. Затруднение, по нашему мнению, здесь мнимое, так как круг синонимов будет действительно определяться тем описанием, которое мы дадим им.

В отечественном языкознании, в частности, Б. Камолиддинов к синонимам относит следующие слова: «Чунин вохидхой лугавиро муродиф е хаммаъно меноманд, ки дар мехвари маъноии онхо яке чанд маънои асоси ба хамдигар мувофик меафтанд. Чунончи, маъноҳои мутолиа кардан, даъват намудан, сурудан, хисобидан ва гайра мехвари маънои феъли «хондан-ро» ташкил медиханд. Муродифҳои лугави аз чихати ҳаҷми маъно е теъдоди маъноҳои лугави фарқ мекунанд. Тафовути маъноҳои асоси ва тобиш е чилоҳои маъно як чиз нест. Дар силсилаи мурдифҳо *фикр – андеша – мулоҳиза (фикр кардан, андеша кардан, андешидан, мулоҳиза кардан)* ҳаҷми маъно як хел нест: *андеша – фикру мулоҳиза, таамул – фикри тадбирҷуена, хаел – фикру хаели истиробомез»* [49, с. 77].

Вместе с тем можно возразить против смешения двух совершенно различных по характеру явлений: близости значений разных слов и их способности обозначать одни и те же предметы. Поскольку синонимы рассматриваются обычно как семантическая категория, только первый критерий можно считать существенным для определения синонимов.

Возможность выбора между различными словами, способными назвать тот же предмет, само по себе вообще часто не зависит от какого-либо семантического сходства или даже тематической однородности данных слов. Выше уже говорилось о том, что разные слова нередко служат обозначениями одних и тех же явлений. В первую очередь это обусловлено тем, что сами явления действительности обычно могут быть охарактеризованы с разных сторон. Например, об одном и том же человеке можно сказать, назвав его по имени или же обозначив по должности, по профессии, по внешним признакам, внутренним качествам, по его взаимоотношению с кем-то или чем-то. Понятно, что в ряде случаев выбор признака, по которому обозначается данное лицо, отражает уже само по себе отношение к нему говорящего. Но приходится акцентировать внимание на том, что сам способ названия по имени или по имени и отчеству, или по фамилии и т. д. определенным

образом отражает и взаимоотношение лиц, и общественное положение называемого, например, герой одной из пьес Островского так говорит о себе: (Петрович) «Человек я тогда был состоятельный, дела вел большие, конкурсами занимался. Не Петровичем меня звали-то, а Иваном Петровичем Самохваловым» [50, с. 78].

Чаще других при выделении синонимов выдвигались такие признаки, как, во-первых, «тождественность или близость значения» слов и, во-вторых, их «взаимозаменяемость». Оба соответствующих определения представляются вполне возможными, но они недостаточны, в связи с тем что понятие «близость значения» остается в общем определенным, а «взаимозаменяемость» слов сама по себе допустима и в случаях, о которых только что говорилось, когда один и тот же предмет может быть назван совершенно по-разному в зависимости от того, как он понимается или какие его свойства говорящий хочет отметить.

Для того чтобы понятие взаимозаменяемости приобрело более четкие очертания, необходимо определить его в связи с некоторыми собственно языковыми факторами, не зависящими от произвола говорящего и многообразия конкретных речевых ситуаций. Взаимозаменяемость должна пониматься в таком случае не как возможность замены одного слова другим, а как необходимость такой замены, но, понятно, не в конкретных речевых высказываниях, где такого рода необходимости быть не может, а при определении значения самого слова.

Если необходимо одним словом определить значение какого-либо другого и это можно сделать, то нами, естественно, используются такие слова, которые должны расцениваться как взаимозаменяемые (а соответственно, и «близкие» по значению).

Так, значение существительного *наргис* в таджикско-персидской поэзии мы можем определить при помощи слова *чаим* – глаза:

Пас он хохарони чахондор Чам,

Зи наргис гули сурхро дода нам –

Щеки влажны от слез (дословно – щеки влажны от глаз).

[51, ч. 1, с. 858]

*Чун шуда сер наргиси ту зи хоб,
Гули рӯи ту шустаам ба гулоб –
Ты выпалась (твои глаза насытились сном),
Смыв все сокровенное слезами.*

[52, ч. 1, с. 858]

И больше того, то, что в конкретном контексте многозначное слово выступает в определенном из своих значений, является следствием вполне регулярных соотношений данного слова с сочетающимися с ним словами, то есть обуславливается лексической позицией данного слова. Например, в таджикском и персидском языках прилагательное *беором* – *беспокойный* – не способно в сочетании *кӯдаки беором* – *беспокойное дитя* иметь то же значение, которое реализуется в сочетании *зулфи беором* – *растрепанные кудри*.

Значит, речь должна идти не о возможности выбора какого-то значения, а о необходимости выбора. Аналогичный характер имеет необходимость синонимичной замены слова. В значении, которое выступает в сочетании *зулфи беором*, прилагательное *беором* определено становится взаимозаменяемым с прилагательными: *парешон*, *мушавваш*, *ошуфтаахвол*, *дижам* – *растрепанный*:

*Укда дар кори дилам бар сари хам рехтааст,
Хотире чамътар аз зулфи мушавваш дорам –
Вся душа полна страданья,
Узор твоих волнистых строк (волнистых локонов)
лишь в душе моей живет.*

[53, с. 190]

*Зи бетобист зулф ошуфтаахвол,
Бувад чамъ аз шикобаи дили хол –
Беспокойны вьющиеся локоны твои.*

[54, с. 335]

*Хусн аз паи махбубию дил гарми мухаббат,
То чанд тавон кард гирех зулфи дижамро –
Красота возлюбленной – сердце согрето любовью,
Словно аркан ее вьющиеся локоны.*

[55, ч. 1, с. 369]

*Ба дуо чамъ кунам зулфи парешони туро, хамчу море,
Ки шавад дами афсун халка –
Змеиные локоны твои собрав в клубок,
Лишил тебя я чары колдовства.*

[56, ч. 1, с. 369]

Таким образом, явление синонимии может быть рассмотрено с точки зрения позиционно обусловленного значения, а соответственно – нейтрализации в определенных позициях противопоставления значений. При таком понимании синонимии, естественно, что степень синонимичности различных слов не может быть одинаковой.

Нетрудно заметить, что в приведенных выше примерах представлены разные в этом отношении ряды слов: Такие пары, как *наргис – чаши – глаза*, с одной стороны, и *беором – парешон – беспокойный* – с другой, представляют крайние точки на «шкале» синонимичности. Первые приближаются к тому, что называют «абсолютными» синонимами, поскольку количество позиций, в которых их противопоставление нейтрализовано, является максимальным. Вторые можно было бы назвать «контекстно обусловленными» синонимами, если бы с этим обозначением не связывалось представление о так называемых контекстных синонимах, которые обычно понимаются как слова, смысловое сближение которых вообще индивидуально.

Однако «абсолютирование», отличие «абсолютных» синонимов от «относительных» не кажется оправданным, так как оно основано на представлении о независимости собственно лексического значения слова от его экспрессивно-стилистической значимости, разграничение которых не столь очевидно, когда речь идет не о терминологических «синонимах» (типа лингвистика – языкознание) и именах и глаголах с отчетливым денотативным значением, а о большой массе многозначных слов, значения каждого из которых (по самому определению) связаны друг с другом.

Когда И. А. Мельчук пишет: «От лексических синонимов разумно требовать только совпадения означаемых при совпадении части

речи – все прочие их синтаксические и стилистические характеристики могут быть сколь угодно различными» [57, с. 435], то он, по мнению Д. Н. Шмелева, не учитывает, что стилистическая характеристика слова определяет не только контекст, в котором возможно данное слово, но и то означаемое из соответствующей предметной области, которое может быть названо данным словом [58, с. 123]. Если даже согласиться с автором, что *спать – почитать – дрыхнуть – кимарить, голова – башка* – это и есть «абсолютные, полные синонимы», то вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что их означаемые совпадают, скорее их означаемые все-таки не совсем «те же». Иначе трудно объяснить совместимость такого рода стилистических синонимов в речи, а также и возможность их противопоставления. Это особенно наглядно проявляется в русском языке: *«Настанет день – печальный, говорят! Отцарствуют, отплачут, отгорят, – Остужены чужими пятаками, – Мои глаза, подвижные как пламя, И – двойника нащупавший двойник – Сквозь легкое лицо проступит лик»* [59, с. 78]; *«У жены твоей – очи и не губы – уста... Я люблю тебя очень! Но пред нею чиста»* [60, с. 23].

Определение синонимии на основе понятия нейтрализации кажется наиболее приемлемым потому, что, во-первых, оно по существу соответствует наиболее распространенному пониманию синонимов [61, с. 56-74], во-вторых, соотносит одно из центральных явлений лексики (ср. соображения об асимметричности языкового знака) с явлениями, свойственными языку в целом.

Хотя попытки связать лексическую синонимию с фактором нейтрализации уже предпринимались [62, с. 9], приходится признать, что ни в понимании синонимии, ни в понимании самой нейтрализации за пределами фонологии нет не только достаточной ясности, но даже общности сходных позиций.

2.2. Синтаксическая позиция лексических единиц

В зависимости от лексического окружения, а также в целом ряде случаев от синтаксической позиции, слова выступают в «разных лексических значениях», что и заключается в снятии одного парадигматически закрепленного противопоставления и установлении другого. Таким образом, лексическая полисемия по существу связана с такого же рода нейтрализацией противопоставления, какое можно наблюдать в области грамматических значений. Именно такая нейтрализация и делает возможным относительно независимое применение слова в каждом из его значений. Отличие лексики заключается в том, что применение слова в каждом новом значении связано с многообразным и многосторонним видоизменением его парадигматических соотношений с другими словами.

Если признать сложность семантической структуры слова, очевидно, нельзя отрицать, что эта сложность (соответственно возможность разложить лексическое значение на элементы) обнаруживается только как следствие применения слова в различных контекстах, в результате чего выявляются и разнообразные соотношения данного слова с другими словами по определенным признакам. Трансформация этих соотношений в различных контекстах является свидетельством того, что отдельные семантические признаки слова неодинаково существенны (релевантны) при его различных употреблениях. Этим и обусловлено то, что многие слова, имеющие общую семантическую «основу» (тему), становятся взаимозаменяемыми в некоторых контекстах, в то время как в других контекстах они противопоставлены друг другу по определенному семантическому признаку. Подобное можно наблюдать в таджикско-персидской поэзии. Например, различие между словами *парешон* – *растрепанный* и *беором* – *беспокойный* во фразах ти-

па: *мӯи парешон* – *растрепанные волосы*; *беороми нақун* – *не проявляй беспокойство* – очевидно.

В приводимых ниже примерах:

Мебарад чамъият аз Ибн Ятим якбораги

Нафхае, к-аз чини он зулфи парешон медамад – растрепанные локоны. [63, с. 328]

Дод боди субҳдам бо ошиқон пайгоми дӯст,

Бурд оромам ба бӯи зулфи беороми дӯст – беспокойные локоны.

[64, с. 328]

это различие стирается. Следовательно, происходит нейтрализация обусловленного указанным различием противопоставления.

Возможность такой позиционной нейтрализации противопоставления слов по определенному признаку при совпадении у них других семантических признаков и делает их взаимозаменяемыми в определенных контекстах. Когда такие контексты представляют собой типизированные контексты (то есть возможность семантической нейтрализации однозначно определяется синтагматическими условиями употребления слова), можно говорить о синонимичности соответствующих слов. Отсюда напрашивается вывод: синонимами являются не слова вообще, а слова в их конкретных значениях, определяемых типизированными контекстами их употребления.

Нейтрализация в этих случаях может иметь, так же как в случаях грамматической нейтрализации, различный характер: она может совершаться в пользу одного из членов противопоставления (как это было в случае синонимизации слов *парешон* – *беором*), она может быть следствием того, что различающий в других случаях данные единицы признак в этой семантической позиции становится несущественным для обеих единиц, как, например, при переносном употреблении некоторых слов, когда у значений «отсекаются» как раз некоторые из их специфических признаков.

Установление семантической близости между определенными словами на основании наличия у них общей семантической темы, как,

например, *гневное, яростное состояние*, у прилагательных (в русском языке) *бешеный, гневный, жгучий, яростный* не означает еще само по себе их синонимичности в указанном понимании.

Для утверждения того, что те или иные из этих слов образуют «синонимические ряды», необходимо установить, что существуют семантические позиции, в которых противопоставление этих слов по каким-то признакам нейтрализуется. Нейтрализация вышеназванных прилагательных происходит в синтагматических позициях со словом *глаза*: «*Я видел ее вспыхнувшее лицо, ее гневные и страдающие глаза*» [66, с. 12].

Такое разграничение представляется необходимым ввиду того, что тематическая близость слов далеко не всегда свидетельствует об их взаимозаменяемости (в плане практических стилистических рекомендаций важно подчеркнуть именно те незначительные с первого взгляда семантические отличия, игнорирование которых приводит к неоправданному смещению соответствующих слов).

Подытоживая сказанное, можно дать такое определение синонимов: синонимы – это слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только признаки, способные устойчиво нейтрализоваться в определенных позициях. Чем больше таких позиций, тем выше степень синонимичности соответствующих слов, тем чаще осуществима их взаимозаменяемость.

Сопоставительное изучение разных языков, имеющее большое значение для лингвистической науки, безусловно, является надежной основой не только для развития общего языкознания, но и для развития некоторых отдельных его направлений, в частности сравнительной лексики, ее систем и подсистем.

В данном параграфе мы более подробно рассмотрим также понятие «субституция», которое тесно связано с понятием «синонимия».

Поскольку неперенным и основным условием субституции является сохранение значения у незамещенного компонента, то о субституции можно говорить в двух аспектах – как о таком замещении одно-

го слова другим, при котором раскрывается способность незамещенного компонента сочетаться в данном значении с разными словами, принадлежащими к определенной лексической парадигме или парадигмам (например, в русском, таджикском и персидском языках: *деликатность – боадаби; девушка – духтар; мальчик – пичар; женщина – зан* и т. д. или *деликатный – боадабона; вопрос – суол; тема – мавзуь*), и как о таком замещении, при котором сохраняется предметно-логическое содержание всего словосочетания (не меняется его номинация, его референтная отнесенность, например, в русском языке: *деликатная тема, деликатный разговор*, в таджикском и персидском языках данные словосочетания передаются сочетанием *масъалаи но-зук*). И в том и в другом случае семантическая структура незамещаемого слова (точнее, его значение как элемента данного словосочетания) обнаруживается, с одной стороны, в результате объективного изучения контекстов его речевого употребления и определения его синтагматических связей, а с другой – в результате определения парадигматических связей исследуемого слова через парадигматические связи сочетающегося с ним слова.

Следует сразу оговориться, что заимствованный из дескриптивной лингвистики термин «субституция» предусматривает взаимную замену слов в определенных контекстах как метод определения тождества-различия. В данном параграфе, говоря о субституции, мы имеем в виду не дистрибутивный анализ, то есть определение всех тех «окружений», в которых данная форма может встречаться в отличие от тех «окружений», в которых она встречаться не может, а существование вариантов словосочетаний.

Такое расширенное понимание термина «субституция», которое было отмечено нами выше, в результате которого речь, по-видимому, должна идти о всех словах, сочетающихся с данным в том или другом его значении, по существу, подменяет собой синтагматику и представляется научно нецелесообразным. Поэтому в дальнейшем изложении термин «субституция» применяется для обозначения лишь второго из

аспектов, то есть такого замещения как *деликатный (тема, разговор) – масъалаи нозук*, когда, как указывалось выше, сохраняется значение всего словосочетания в целом.

Поскольку субституция в этом смысле многими учеными считается одним из основных критериев при выделении синонимов, вопрос о субституции членов словосочетания, возникающий на синтагматическом уровне, теснейшим образом связан с проблемой парадигматических зависимостей слов и должен решаться на основе точного научного определения понятия синонимии и отграничения его от понятия «лексический ряд».

Системное изучение лексики языка позволяет на основе обращения к экстралингвистической реальности, на основе референтной общности, предметно-логических связей объединить близкие по своим вещественным значениям слова в лексические наборы, складывающиеся из лексических рядов. Могут ли все слова, составляющие один лексический ряд, считаться синонимами?

Согласно наиболее распространенному пониманию синонимии, синонимическими отношениями связаны близкие или совпадающие по значению слова, выражающие одно и то же понятие, но отличающиеся один от другого оттенками значений, стилистической (экспрессивной) окраской, принадлежностью к определенному стилистическому слою языка. Синонимы часто определяются также как слова, обозначающие одну и ту же вещь, но выделяющие различные ее аспекты, или как тождественные по общему значению слова, различающиеся его оттенками и т. д.

В свете обсуждаемых в данном параграфе проблем синонимы, обнаруживающие один из характернейших для лексического набора видов связи, определяются как те члены одного ряда внутри лексического набора (таким образом постулируется их принадлежность к одному лексико-грамматическому классу слов и единство исходного понятия), которые подчиняются общим закономерностям лексической сочетаемости в данном языке и которые, если перейти от языка к речи,

вследствие семантической близости могут быть правильно употреблены лишь при точном знании различающих их семантических оттенков и стилистических свойств (здесь решается вопрос об общности номинации и, следовательно, о возможности взаимозаменяемости). В этом – лингвистическом – определении учитываются как парадигматические, так и синтагматические свойства слов и указывается не только на принадлежность их к одному лексическому ряду, но и на общие закономерности их лексической сочетаемости.

Разница между этими определениями имеет принципиальное методологическое значение. Если мы признаем, что синонимия – это лингвистическое явление, то и определение синонимов должно базироваться на лингвистических категориях, отражающих существование языка в речи и через речь. Первое же из указанных определений, вследствие, прежде всего, неопределенности понятий «близость», «оттенки» значений слов, «аспект вещи», не может считаться собственно лингвистическим.

Во-первых, о близких по значению словах можно говорить лишь в тех случаях, когда речь идет о моносемантических единицах, поскольку же основная, наиболее употребительная часть лексического состава языка состоит из полисемантических единиц, то близкими оказываются отдельные значения слов. В лексический ряд входят слова не во всем своем семантическом единстве, а лишь в том значении, которое оказывается семантически связанным с другими единицами, составляющими данный ряд и выступающими в нем в определенном значении. Так, например, в русском языке слово *широкий* входит в два лексических ряда:

А) в лексический ряд, который по основному исходному понятию можно обозначить как «просторность»;

Б) внутри лексического набора «размер».

А) *широкий – просторный*;

Б) *широкий – размашистый*.

Например, «Высокий и худой землемер идет ... тем редким, приседающим, но размашистым шагом, каким ходят привычные к длинным дорогам люди: мужики... и землемеры» [75, с. 78]. «Мы прилежно смотрели на просторную гладь океана» [76, с. 90].

Таджикский синонимический словарь также исходит из того, что синонимы – это приближение к «основному» значению другого слова, причем такое, при котором сохраняется определенный оттенок его собственного «основного» значения. Здесь следует отметить, что вышеприведенный синонимический ряд русского языка с исходными значениями «просторность» и «размер» в таджикском языке отсутствует. Эквивалентами данных лексических рядов выступают:

А) *широкий* – *васеъ, фарох, пахн*; *Кифти пахн* – *широкие плечи*;

Б) *просторный* – *васеъ, кушод, пахновар*; *Просторный зал* – *толори васеъ*.

Здесь важно отметить, что при решении вопроса о субституции необходимо учитывать особенности сочетаемости, свойственные данному языку. Например, в русском языке то обстоятельство, что слово *сердечный*, помимо значения прилагательного от *сердце* в первом значении [70, с. 234], как в словосочетаниях *сердечное заболевание, сердечный приступ* и т. п., по-видимому, обнаруживается на основании того факта, что оно способно сочетаться со словами, обозначающими людей, как в словосочетаниях *сердечный человек, сердечная женщина, сердечные люди*. В словаре З. К. Александровой синонимами к слову *люди* называются *народ, публика, люд*. Они входят в лексический ряд, включающий слова *общество, коллектив, нация* и т. д. Но значит ли это, что по законам сочетаемости в русском языке будет правильно сказать *сердечный народ, сердечное общество, сердечный коллектив* и т. д. Или, например, исходя из того факта, что сочетание *сердечная женщина* является аутентичным, можно ли сказать *сердечная тетя, сердечная старуха, сердечная дама* и т. п. [71].

Во-вторых, «близкими по значению», выражающими одно общее понятие, являются однокоренные слова, как, например, в русском

языке *глаза – глазастый – глазеть* или в таджикском (персидском) языке *чаши – чашимак (глазок) – чашимакбози (подмигивание друг другу)* и т. п., входящие в разные лексико-грамматические классы, которые именно вследствие этого не могут рассматриваться как синонимы, если исходить из принятого нами определения.

В-третьих, одну и ту же вещь, выделяя разные ее аспекты, можно обозначать разными словами, которые никак нельзя себе представить в качестве синонимов. В различных ситуациях об одном и том же референте, например, в русском языке – *кошке*, можно сказать: *Она держит кошку. Это мой баловень. Почему вы настаиваете держать животных дома? О, посмотри на это пушистое существо!* Можно ли на основании этого считать слова *кошка, баловень, животное* и словосочетание *пушистое существо* синонимами? Притом что в конкретных ситуациях эти слова называют один и тот же предмет, нельзя ставить вопрос не только о синонимичности, но даже об относительной близости их значений.

В-четвертых, в живом речепотреблении «близкие по значению слова» могут не только выполнять свойственные синонимам функцию замещения, функцию уточнения или экспрессивно-стилистическую функцию, как, например, в следующих случаях

А) *Академик Лев Владимирович Щерба принадлежит к числу выдающихся русских лингвистов.*

Б) *Полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... [71];*

В) *Из лавок высовываются сонные физиономии [71]* (ср.: *лицо – физиономия*).

Они могут также оказаться антонимически противопоставленными друг другу. Например, *«У жены твоей – очи, и не губы – уста... Я люблю тебя очень! Но пред нею чиста» [74, с. 14].*

Вышеприведенные выводы являются своеобразием русского языка.

Совершенно очевидно, что «традиционное» определение синонимов, которое предполагает наличие некоей отдельной специфической подсистемы в системе лексики, лингвистически не обоснованно. Такой подсистемы не существует. Синонимы обнаруживаются в пределах одного лексического ряда, поскольку о близости значений можно говорить лишь на основе принадлежности слова к одному такому ряду. Следовательно, понятие синонимии приобретает смысл, когда возникает вопрос о методах сопоставительного изучения наиболее близких друг другу членов одного лексического ряда. Здесь важно отметить, что синонимия может быть использована также как один из методов исследования – при сравнительном сопоставлении эквивалентных лексических наборов разных языков.

Однако определение близости значений только на эмическом уровне, когда слово рассматривается парадигматически – как структурная единица языка, – не является, как мы видели, достаточным. Слово реально функционирует в речи, и в реальном речевом общении – синтагматически – оно выступает каждый раз в одной из своих семантических вариантов, в одной из своих аллоформ. Следовательно, синонимия должна определяться с учетом одновременно и эмического и алло-эмического уровней, то есть парадигматически и синтагматически. Рассуждения о синонимии в абстрактно-семантическом плане без изучения реальной парадигматики и синтагматики слов лишены какой-либо лингвистической ценности.

Обратимся для иллюстрации к синонимическому ряду со смысловой основой «*беспокойство – ноороми*» в русском, таджикском и персидском языках. Слово *тревога* в русском языке регулярно воспроизводится во фразе: *Нет почвы (основания) для тревоги*. То обстоятельство, что законы сочетаемости в русском языке допускают это сочетание (наряду с сочетаниями типа: *Нет почвы для недовольства; Обвинение не имеет под собой почвы; Не давать почвы для попреков*), как будто бы позволяет заключить, что слово *почва* имеет среди своих значений не только «земля». «*Ощупывая почву ногами, мы осторожно*

пробирались вперед» [75, с. 78], но также и «причина», «основание» (причина, достаточный повод): *На основании этого...; Я заявил ему об этом с полным основанием.*

Эквивалентом слова *почва* в вышеприведенных моделях в таджикском или в персидском языке выступает слово *асос* – *основание*, в редких случаях – *замина* – *почва*. Например, *«Хеч як асос нест барои он ки...»* – *«Нет никакого основания для того, чтобы...»*; *«Ин даъво хеч асос надорад»* – *«Это утверждение ни на чем не основано»*.

Если исходить из того, что перечисленные в ряде «*беспокойство – ноороми*» слова в сопоставляемых языках являются синонимами, а субституцию принять за метод определения синонимии, то они должны были бы подставляться в приведенную фразу, не мешая реализации словам *почва* – *замина* данного значения и не нарушая смысла всего высказывания. Однако это не так. Русский и таджикский (персидский) языки не допускают таких, например, сочетаний как: *Нет почвы для предчувствий – Хеч асос барои эхсос нест.*

На том основании, что не все из указанных слов могут употребляться в одном контексте, причем в контексте типизированном, можно сделать вывод, что эти слова не являются синонимами, что они не только объединены общими семантическими признаками, но и противопоставлены по другим семантическим признакам, которые лишают их возможности быть взаимозаменяемыми. Это относится, однако, только к вышеприведенным словосочетаниям и не означает, что они вообще не могут взаимно замещаться. Как неоднократно отмечалось, у членов одного лексического ряда, которые отличаются друг от друга отдельными элементами значения, в определенных ситуациях живого речевого употребления элементы, по которым они семантически противопоставлялись, перестают быть существенными.

Любые значения не существуют в языке «сами по себе», вне связи с другими значениями. Однако характер этих взаимоотношений, зависимость собственного значения слова от сопоставленности со значениями каких-то других слов в различных случаях неодинаковы.

В основе лексического значения ряда слов лежит выражение отношения, то есть называемого этими словами к другим предметам и явлениям, например, у отдельных существительных в сопоставляемых языках. Ср.: в русском языке: *отец, сын, брат*; в таджикском и персидском языках: *бародар* – *برادر* – *брат*, *мўйсафед* – *موسافيد* – *стари́к*, – легко заметить, что подобные наименования основаны на отношении обозначаемых «предметов» к другим «предметам». При этом их относительный характер проявляется в том, что при изменении «точки отсчета» изменяется и характер отношения, а собственно, и наименование. Ясно, что *отцом, другом, братом* какое-то *лицо* является только по отношению к другому, причем одно и то же лицо может быть одновременно в разных отношениях с разными лицами – быть и отцом и сыном и т. д., а парадигматическое противопоставление определяется здесь «точкой отсчета». Ср.: «*„Где это, ты, дед?“ – удивился Саша (он отца, с тех пор как появились свои детишки, стал называть дедом)*» [76, с. 145].

Другой тип лексических отношений представлен такими словами, как: *тез* – *охиста* – *быстрый* – *медленный*; *дароз* – *кўтоъ* – *длинный* – *короткий*.

Эти значения также относительны в том, что они требуют определенной «точки отсчета», которая меняется в зависимости от определяемых соответствующими словами явлений, а также в связи с субъективной точкой зрения говорящего. Понятно, что, например, в словосочетаниях *высокий человек, высокая сосна, высокая гора* или *қади дароз* – высокий рост, *рӯзи дароз* – *целый день* определение *высокий* в русском языке и *дароз* в таджикском языке имеют неодинаковые «предметные» значения. Ни у кого не возникает, однако, мысли, что в этих различных словосочетаниях они выступают в разных лексических значениях.

В. В. Виноградовым был впервые поставлен вопрос о различных типах лексических значений слов. «Наблюдения над способами объединения разных значений в слова, – писал В. В. Виноградов в одной из своих работ, – также над закономерностями словоупотребления

приводят к выводу, что не все значения слов однородны или однотипны, что есть качественные различия в структуре разных видов лексических значений. Общеизвестно, что слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [77, с. 3-17].

Вместе с тем, говоря о типах лексических значений, В.В. Виноградов исходил не только из особенностей сочетаемости различных групп слов, то есть синтагматических отношений, но и из парадигматических связей, определяющих сферу употребления каждого отдельного слова. Так, им были выделены прямые (или основные) номинативные, производно-номинативные и экспрессивно-синонимические значения слов [78, с. 12-16]. Эти наблюдения не вызвали широкой поддержки у лингвистов. Критические замечания по поводу разграничения данных типов значений свидетельствуют, что здесь еще много не только спорного, но и неясного в смысле терминологии. Так, В. А. Звегинцев считает, что, приняв предложенную В. В. Виноградовым характеристику экспрессивно-синонимических значений, следовало бы сделать неизбежный вывод о том, что определенная, притом значительная, группа слов лишена всякого самостоятельного предметно-логического содержания, которое составляет основу лексического значения слов. Лексическим значением в этом смысле они обладают только постольку, поскольку им обладают другие (опорные) слова, и только в той мере, в какой это свойственно другим словам. Если обратиться к конкретному примеру, то это значит, что в предложении: *Я сел за трапезу* слово *трапеза* (высокого стиля) само по себе не имеет «направленности на действительность», и чтобы понять, о чем, собственно, в данном случае идет речь, необходимо сначала соотнести его с предметно-логическим содержанием слова *еда* или *стол* [80].

Однако, говоря об отсутствии непосредственной направленности на предметы действительности, В. В. Виноградов исходит, как легко заметить, не из возможности или невозможности непосредственно

понять, «о чем идет речь», а из особенностей смысловой структуры определенных разрядов слов, признавая, что значение слова необходимо определять с учетом его многообразных связей и в контексте определенной системы языка, что если рассматривать языковой знак изолированно, только как обозначение какого-либо предмета или явления реальной действительности, то он остается простым знаком, внешним обозначением данного предмета, и «никаким значением в лингвистическом понимании этого термина такой языковой знак или ярлык, как и любой другой ярлык, не может обладать» [80, с. 174].

В. А. Звегинцев, на наш взгляд, не должен был одновременно отрицать, что «многообразные связи», присущие значениям различных слов, могут влиять и на характер отображения ими явлений действительности. Что это реально так, показывает само строение стилистической парадигмы: «слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синонимы в нейтральном», «обязательность синонима в нейтральном стиле прямо пропорциональна мере отстояния данного слова от нейтрального стиля [81, с. 129-165].

Если стилистически окрашенное слово, как правило, предполагает синоним в нейтральном стиле, то это и значит, что оно реализует свое собственное лексическое значение лишь в соотношении с этим стилистически нейтральным (действительно опорным) словом. Выделенная В. В. Виноградовым группа слов с экспрессивно-синонимическими значениями была ограничена им «стилистическими синонимами». Между тем многим словам, лишенным оценочных элементов, в языке соответствуют экспрессивные слова, которые не только обозначают элемент их оценки. Явление может оцениваться говорящим как само по себе, так и с точки зрения той эмоциональной реакции, которую оно вызывает у говорящего. Например, в русском языке обозначения *глазищи* (прост.), *глазенаны* (прост. и шутл.), *буркалы*, *бельма*, *зенки*, *очи*, *вежды* (устар. поэт.) – синонимы слова *глаза* или в таджикском и персидском языках: *наргис*, *шахло*, *хуршед* – синонимы

слова *чаши* – *глаза*, но они включают, кроме того, в свое значение элемент оценки.

В настоящее время никто не станет всерьез оспаривать, что значения не существуют в языке изолированно, независимо от некоторых других значений. Однако характер этой зависимости для различных значений неодинаков.

Такие слова, как *вежды*, *физиономия*, *ланы*, *уста* в русском языке или как *хуршед*, *наргис* и т. п. в таджикском и персидском языках, не могут быть истолкованы без ссылок на их «нейтральные синонимы», так как их собственное лексическое значение состоит в своеобразном преломлении значений этих действительно опорных для них слов. Слово *ланы*, например, в русском языке, сразу же стало бы «лишним» в языке, как только оно лишилось бы своей стилистической значимости и попросту дублировало бы слово *щеки*. Его «смысл» как раз в том, что оно (в своем реальном значении) может быть воспринято только на фоне данного синонима.

2.3. Оценочность как неотъемлемый элемент семантики слова

Точно так же слова с оценочным значением (независимо от их этимологии) определяются только на основе их соотнесения с опорными словами и указания тех отличительных семантических признаков, по которым они противопоставлены последним. Сравним значения следующих слов в сопоставляемых языках: *харя*, *физиономия*, *очи* (в русском языке), *шахло*, *хуршед*, *дида* – *глаза* (в таджикском и персидском языках). Оценочность входит как неотъемлемый элемент в значения подобных слов, но она опять-таки невозможна без наличия в языке опорных единиц лексико-семантической парадигмы, то есть нейтральных синонимов.

Роль последних очевидна и при определении лексического содержания таких слов, в значениях которых заключено не только указание на какой-то признак (обозначаемый также и опорными синонимами), но одновременно и на степень проявления этого признака. Например, оценочные прилагательные в таджикском языке в синтагматической конструкции с существительным *чаим – глаза* со смысловой структурой *гневный, яростный* включают в свой ряд слова: *пурхашм, пургазаб, кахролуд, баркнигох*: «*Ў бораширо ба муттакаи курси партофта, чаимони пургазабаширо нимкоф карда, дуру дароз ба Олим Бахромӣ дӯхт*» – «*Швырнув свой мешок на край стола, он долго смотрел на Олим Бахром, прищунив глаза, полные гнева*» [82, с. 178]; «*Пас барои чи ин хел ахмаки кардед? – дӯғ зад Обидов, чаимони кахролудаширо бози доронда*» – «*Тогда почему вы допустили такую глупость*», – *закричал Абидов яростно (посмотрев на нас яростным взглядом)*» [83, с. 280].

Нет сомнения в том, что «понять» эти слова говорящий может «непосредственно», но это никак не значит, что их реальное лексическое значение не обусловлено существованием в языке опорных синонимов. Такие, например, в русском языке образования, как *мудрейший, умнейший (человек)* понимаются «сами по себе», но это не значит, что их реальное значение не зависит от существующих исходных форм.

Между тем характерная особенность указанной группы оценочно-синонимических слов заключается в том, что при всякого рода стилистических перемещениях они часто дублируются именно «оценочными» производными опорных синонимов или описательными оборотами, включающими эти последние вместе со словами, обозначающими «степень». Подобные явления встречаются в трех сопоставляемых языках. Ср., например, в русском языке: *красивые глаза – очень красивые, красивейшие* или в таджикском языке: *чаимони зебо – зеботар – зеботарин – аз хама зеботар*.

Так же как экспрессивно-стилистические и экспрессивно-оценочные моменты в словах предполагают сопоставленность послед-

них с нейтральными соответствиями, так и указание на степень признака предполагает как бы определенную точку отсчета, которая и представлена обычно в языке более общими обозначениями тех же признаков. Эти обозначения выступают как опорные члены соответствующих парадигматических рядов; их лексические значения не обусловлены примыкающими к ним оценочными синонимами, но сами они «опосредствуют» и обуславливают значения последних.

Не будучи обусловлены (с синхронной точки зрения) значениями других членов синонимических рядов, значения опорных (в указанном смысле) слов не являются, конечно, вообще независимыми от других значений. В настоящее время уже не вызывает сомнения то, что каждая единица языка получает свое собственное лингвистическое значение благодаря соотносительности с некоторыми другими единицами. Нам кажется, что это положение должно распространяться и на единицы лексики. Другое дело, что характер и степень системной обусловленности лексических значений в различных случаях разные: различие зависит как от «предметного содержания» каждого данного слова, так и от особенностей структуры лексико-семантической парадигмы, в которую оно входит.

Среди разнообразных и сложных отношений, существующих между членами различных лексико-семантических парадигм, могут быть выделены, прежде всего, три основных типа, в известной мере, соответствующих отношениям детерминации (спецификации), комплементарности и автономности [84, с. 117-136].

Первый тип зависимости демонстрируется отношением между отмеченными выше «экспрессивно-синонимическими» (в широком понимании) и опорно-номинативными значениями слов. Как видели, здесь объединяются, по крайней мере, три различных по характеру вида семантических противопоставлений.

Понятие детерминации само по себе нуждается в следующем разъяснении. С точки зрения бинарных противопоставлений экспрессивно-синонимические значения должны рассматриваться как детер-

минимизирующие, а опорно-номинативные как детерминированные; с логической и более – семантической точек зрения, наоборот, первые являются детерминированными, а вторые – детерминирующими.

Так, например, в русском языке слова *буркалы*, *зенки*, *моргалы* предполагают существование слова *глаза* или в таджикском и персидском языках слова *шахло*, *наргис* также предполагают существование *чаши* – *глаза*, в то время как существование слов *глаза* и *чаши* не предопределяет наличия в языке тех или иных стилистических и экспрессивных синонимов. Вместе с тем семантическая характеристика последних непосредственно зависит от их соотношения с опорными словами *глаза* и *чаши* и определяется теми дополнительными признаками, которые как бы наслаиваются на его значение.

Второй тип лексических значений слов определяется существованием лексико-семантических парадигм, между членами которых наблюдаются отношения свободной зависимости или «относительной автономии». Таковы парадигматические отношения между значениями слов, входящих в разнообразные тематические группы лексики, например, в сопоставляемых языках значениями слов *чаши* – *глаза*, *калб* – *сердце*, взаимосвязанность которых (и противопоставленность по определенным признакам) обосновывается прежде всего их «внеязыковой» направленностью.

Для того чтобы классификация лексических значений приобрела более или менее завершённый вид, необходимо принять во внимание ещё целый ряд существенных признаков, которые могли бы уточнить и дифференцировать намеченные виды.

Сюда относятся, в частности, различия между терминологически и нетерминологически организованными лексико-семантическими парадигмами. Ср.: соотносительные обозначения качества в русском языке *хороший* – *плохой*, примыкающие к ним экспрессивно-синонимические, детерминированные значения слов *отличный*, *прекрасный*... *отвратительный*, например, терминологически организованную систему школьных отметок. Любопытно в этой связи такое

насмешливое предположение литературного критика. А еще можно предложить универсальный «табель о рангах». Все существующие в природе оценочные эпитеты выстроились бы в наглядную и четкую иерархическую лестницу: *гениальный, великий, выдающийся, замечательный, известный, интересный, талантливый, одаренный, способный*. Эпитет *гениальный* соответствовал бы званию *маршала, великий – генерала армии, выдающийся – генерал-полковника*. Ср. также: Но давайте, прежде всего, разберемся, что же такое *старость, старение*. Ученые всего мира договорились делить этот процесс на три периода: средний возраст – 40-59 лет, пожилой – 60-74 года и старческий – 75 лет и старше [86].

В связи с этим можно заметить, что вопрос «о терминологичности» тех или иных единиц лексики, о «терминологических значениях» не вполне совпадает с вопросом о специальной терминологии, о терминах научных, технических. В определение последних [540, с. 85-103] часто включаются такие признаки (краткость, однозначность, точность, системная обусловленность), которые в основном правильно, разумеется, характеризуют единицы различных терминологий и их отличие от «обычных» слов. Однако всякое такое определение термина остается неполным, если в него включено указание на то, что термин – это искусственное лексико-семантическое образование. Значение слова «хорошо» нам дано в языке, значение школьной отметки «хорошо» устанавливается произвольно (это видно хотя бы из того, что здесь это слово можно заменить, и тогда значение слова «хорошо» = четыре), оно нуждается не в истолковании, а в определении.

Между терминами и словами общенародного языка, естественно, нет непреодолимых границ (как и между большей частью разграничиваемых нами языковых явлений), но принципиальное отличие термина как такового заключается все-таки в том, что это искусственное образование, термин создается, а не дан в языке (он может быть произвольно заменен другим) – отсюда и его прочие свойства: термины требуют определения (а не толкуются как слова языка), они нахо-

дятся в более системных отношениях друг с другом, чем слова языка. Но в общем все это – производные свойства, можно употребить новый термин, не дав ему определения, можно плохо соотнести (таких примеров много) придуманный термин с другими терминами данного «терминологического поля», он может быть признан в таком случае «псевдотермином» с точки зрения соответствующей науки, не переставая при этом оставаться термином в лексикологическом смысле.

Другой – не менее существенный вопрос – о возможности выделения дифференциальных семантических признаков у различающихся по «конкретности» групп слов, а следовательно, и о пределах их реальной парадигматической сопоставленности.

Собственно, в этом плане показательны словарные толкования. Когда в толковом словаре приводится слово, которое может быть описано при помощи указания на родовое понятие, выделение его отличительных (видовых) признаков происходит сравнительно легко, и словарные статьи обычно, так или иначе, отражают эти признаки. В случае толкования, на которых как бы обрывается ряд родовых соотношений, в построении словарных статей наблюдаются самые различные приемы (ср., например, в русском языке толкования таких слов, как *вместилище*, *вмещать*, *помещение*, *помещать*, *перемещаться*, *место*), причем сами толкования уже в гораздо меньшей степени основываются на реальных связях толкуемых слов с теми словами, при помощи которых они объясняются. Исследование в этом плане разных групп лексики, как кажется, также может дать важный материал для более полной классификации лексических значений слов.

Установление некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного парадигматического ряда, то есть того, в чем одна единица сходна и чем отличается от другой единицы, предполагает выделение в них некоторых элементов, в первую очередь, элементов сходства и различия.

Проблема парадигматических отношений внутри лексики и проблема семантической структуры лексических единиц, таким образом, тесно связаны друг с другом.

Исследуя словарный состав языка, нужно, по нашему мнению, как-то расчленив его, выделить в нем определенные семантические группы слов. Для этого необходимо установить, что объединяет значения данных слов и что отличает их друг от друга, то есть выделить в них как общие, так и различающие их признаки, а следовательно, разложить значения на некоторые компоненты. Понятно, что такое разложение значения в свою очередь возможно только на основе известного сопоставления его с какими-то другими значениями, так как только на основе сопоставления обнаруживается комплексный характер самого значения, а также своеобразие каждого языка.

Идея «системности лексики» иллюстрировалась преимущественно анализом таких лексических групп, которые включают в себя слова с ярко выраженным соотносительным значением. Существует достаточно большое количество работ, в которых «системность лексики» и возможность компонентного анализа лексических единиц доказываются рассмотрением так называемых терминов родства. Слова, относящиеся в данной группе, действительно, однозначно разложимы на соотносительные друг с другом признаки, по которым они четко сопоставлены друг с другом, образуя в известном смысле подлинную микросистему. Наличие подобной микросистемы вряд ли само по себе может служить доказательством их реального существования, а тем более подтверждением общего тезиса о системности лексики. В последние годы, однако, изучение лексики как системы значительно продвинулось вперед и теперь уже может опираться на целый ряд конкретных исследований. Вместе с тем, как уже отмечалось выше, некоторые исследователи считают, что подлинно языковое значение обнаруживается только у некоторой части лексики (глаголы, качественные прилагательные, отвлеченные существительные), тогда как другая ее часть («конкретная» лексика), состоящая, прежде всего, из огромного

числа существительных с предметным значением, по существу не подлежит собственно лингвистическому анализу. Эту мысль, в частности, настойчиво проводит Ю. Д. Апресян. В цитированной работе, посвященной семантике глагола, он среди прочих отличий структурной семантики от «традиционной» указывает следующее: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. При этом обычно не проводится различие между тем, что в некотором языке принадлежит его собственной системе, а что – искусственным языкам наук и других терминологических областей, пользующихся некоторыми средствами данного естественного языка» [87, с. 52-72]. «В этом отношении, – отмечает Ю. Д. Апресян, – отличие современной лингвистической семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов, ...при семантическом анализе “конкретной” лексики не делается попытки дать исчерпывающее разложение каждого слова на элементарные семантические признаки. Для большинства конкретных существительных указываются лишь некоторые семантические категории (*вещь, человек*), а, в крайнем случае, семантическим кодом конкретного существительного может быть его порядковый номер в соответствующем словаре» [88, с. 19].

По-видимому, нет особых оснований для того, чтобы при семантическом анализе одних слов стремиться к их «исчерпывающему» разложению на семантические компоненты, а при анализе других заранее отказаться от таких попыток. Другое дело, что сами эти попытки приводят, как показывают многочисленные примеры, в разных случаях к различным результатам. Одна часть лексики оказывается более, другая – менее «системной», одни лексические единицы действительно допускают исчерпывающее разложение на элементарные семантические признаки, другие явно противостоят такому разложению. Однако граница между различными в этом отношении частями лексики не вполне совпадает с той границей, которую можно было провести на

основании априорного исключения из семантического анализа терминологической и «конкретной» лексики.

Возьмем фразу (в русском языке): «У него было бритое загорелое лицо и твердые, тонкие изогнутые губы» [89, с. 49]. Оба существительных (*губы*, *лицо*) имеют «конкретную» семантику. Однако необходимо обратить внимание на следующее. И *лицо* и *губы* – это конкретные предметы, значение соответствующих слов, не в одинаковой степени обусловленных или не обусловленных «парадигматической прикрепленностью». Можно сказать о *лице*, что это «часть человеческого тела», так же и о *губах*, что это «один из компонентов человеческого тела», но установление таких внешне как будто схожих родо-видовых отношений не должно вводить в заблуждение. Называя данные единицы *лицом* и *губами*, мы основываемся на тех признаках, которые определяют для нас лексическое содержание слов *лицо* и *губы*.

Таким образом, в так называемой конкретной лексике (в сопоставляемых языках они совпадают) обнаруживаются существенные различия в отношении парадигматической организации различных групп слов. Некоторые из относящихся сюда единиц, так же как и большая часть глаголов, качественных прилагательных и существительных с абстрактным значением (то есть слов, противопоставляемых обычно «конкретной лексике» в качестве слов с «собственно языковым» значением), входят в определенные лексико-семантические микросистемы, то есть в какой-то степени системно объединены. Значение каждого из таких слов соизмеримо в известном плане с некоторыми другими значениями, так как противопоставлено им по более или менее определенным семантическим признакам.

Другие слова, действительно, находятся вне основных системных отношений, проявляющихся в лексике.

Нетрудно заметить, что чем больше слово отягощено индивидуальными семантическими признаками, тем прочнее его «предметные» связи и, наоборот, чем регулярнее (в плане сопоставимости с другими

словами) его семантическая структура, тем легче его лексическое значение отождествляется с соответствующим понятием.

Как показало исследование, значения многих слов конкретной лексики в сопоставляемых языках настолько насыщены индивидуальными признаками, что являются в принципе несопоставимыми по отдельным признакам друг с другом. Поскольку можно считать, что денотативная функция оказывается для них на первом плане, они и могут быть условно названы денотативами. В некоторых отношениях они подобны именам собственным.

Отсутствие собственно системных связей у денотативов не означает, что они не могут объединяться в определенные группы (ср. названия частей тела). Однако объединение подобных слоев происходит, как правило, не на основе того или иного их противопоставления друг другу по какому-то различительному признаку, а на основе наличия у них как раз только общего родового признака (часть тела).

Поэтому тематические группы такого типа обычно не представляют собой каких-либо лексических «микросистем» в подлинном смысле слова.

Точно так же отсутствие собственно дифференциальных признаков у денотативов не означает, что их значения не включают в себя вообще никаких признаков. В таком случае мы вообще не могли бы признавать наличие значений у данных слов.

Но эти значения характеризуются такой совокупностью признаков, которая действительно не стоит вне собственно лингвистических измерений.

Разумеется, и здесь могут быть выделены и перечислены отдельные признаки. Мы можем, например, сказать, следуя четырехтомному словарю русского языка, что *лицо* – передняя часть головы человека: «У него было правильное, будто выточенное лицо, с очень красиво очерченным носом, губами... и с веселыми голубыми глазами» [103, с. 123], то есть выделять как характерные признаки лица, отличающие его от других частей тела. Однако, очевидно, никак нельзя утверждать,

что значение слова организуется именно этими признаками. Нетрудно заметить, кроме того, что, давая такое определение, мы характеризуем не столько значение слова, сколько сам предмет, причем опять-таки вряд ли можно утверждать, что и наше представление о предмете формируется на основе именно этих или главным образом этих его свойств. Именно признаки предмета, называя их «семами», предлагает выделять Г. В. Степанова, устанавливая, например, «набор сем» у слова *роза*: *садовый цветок, определенная форма, цвет, аромат, шипы* [91, с. 72].

2.4. Дифференциальные семантические признаки лексических единиц

Как было отмечено выше, значение многих слов конкретной лексики в сопоставляемых языках настолько насыщены индивидуальными признаками, что выделение дифференциальных семантических признаков представляет значительные трудности. Но тем не менее результаты исследования показали, что выделение дифференциальных признаков слов у конкретной лексики возможно в определенных синтагматических позициях. Эти позиции могут быть парадигматически обусловлены, то есть однозначно выделены как дифференциальные семантические признаки данного слова. Все вышеизложенное проиллюстрируем примерами. Так, в русском, таджикском и персидском языках существительные, образующие семантическое поле «части тела» (соматизмы), сочетаясь с прилагательными (характеризующими внешние черты человека), образуют ряд семантических парадигматически обусловленных рубрик, в частности: 1) цвет; 2) форма; 3) размер; 4) очертание; 5) физическое состояние; 6) выражение чувств; 7) состояние; 8) характер человека. Например, в русском языке существительное *лоб*, сочетаясь с прилагательными, образует следующие парадигматические группы.

Ср. соответствующие парадигмы:

«Шляпу он нес в руке, и потому был хорошо виден его большой покаты́й лоб [92, с. 45]; «На высокий костлявый лоб небрежно упал клочок русых волос» [93, с. 35]; «Альберт был такой же, как и вчера: та же красивая улыбка глаз и губ, тот же светлый, вдохновенный лоб» [94, с. 56]; «Это был чудный портрет: задумчивые детские глаза и решительный лоб с прямыми, сросшимися бровями» [95, с. 89]; «Нет! Непосвященный никогда не мог бы предположить артиста в этом невысоком, обычно державшемся в сторонке человеке с огромным философским лбом» [96, с. 67].

Не менее богатую парадигматическую микросистему способно образовать существительное *глаза* в сочетании с эпитетами:

«Горячие черносливые глаза смеялись заигрывающе, избалованно» [97, с. 34];

Когда прелестное создание

Я в униженьи увидал и безотчетное страданье

В глазах увядших прочитал.

[98, с. 23]

«Рукой небрежной волосы отбросив, не опуская ясные глаза, она идет по улице – как осень, как летняя внезапная гроза» [99, с. 78]; «Полвека жадными глазами / Ловил я сердцу милый взгляд» [100, с. 12]; «Марина воротила лицо в сторону, завидя его (Райского), потупляла свои желтые, бесстыжие глаза» [101, с. 89]; «Все мне сразу пришлось по душе в нем – и его сильный басок, и веселые энергичные глаза» [102, с. 56].

Парадигматические отношения между словами, подобные вышеприведенным, конечно, зависят от отношений, существующих между самими предметами действительности. Будучи отражением группи-

ровки самих предметов действительности, подобные объединения слов обнаруживают, однако, целый ряд таких особенностей, которые определяются свойствами конкретного языка. Исследование показало, что у таджикских и персидских слов в среднем поэтическое поле относительно шире. Следовательно, таджикский и персидский языки для выражения одинакового круга понятий могут обойтись меньшим числом слов, чем другой язык (в данном случае русский язык). Отсюда следует, что более широкое по своей семантической структуре таджикское и персидское слово уточняет свое значение по связи с другими словами в предложении, тогда как русское слово самостоятельно выражает те же оттенки. Следовательно, этот язык проявляет экономию в парадигматическом плане. Однако при необходимости выразить соответствующие оттенки мысли он вынужден прибегать к словосочетаниям во многих из тех случаев, где русский язык пользуется лишь одной лексической единицей. Отсюда следует, что таджикской лексеме свойственна парадигматическая экономия при синтагматической избыточности русской и, наоборот, синтагматическая экономия при парадигматической избыточности.

Примером парадигматической экономии в таджикском и персидском языках является семантическая рубрика слов, образующихся в результате сочетания существительных с прилагательными (в данном случае прилагательных, характеризующих как внешние черты, так и нравственно-волевые качества человека).

Оби ў хамчу ашки чаими зулол – чистый взгляд (глаза),

Бас гуворову сарду рохати чон.

[104, с. 16]

«“Бовар намекунед?” – асабиёна нурсид ў ва чаимони тангаширо бозк доронда, атрофро аз назар гузарониду сипас шикамаширо ба дарун кашида, аз таги майкаи гулдораи китоберо баровард» – «“Не верите?”, – злобно спросил он, прищурив свои узкие глаза, посмотрел кругом и достал из-под рубахи книгу»; «“Наход?” – бо таххайюр нидо

кард ӯ ва чашмони масташиро карашмаомез ба ман дӯхт – «“Неужели?”», – кокетливо спросила она, игриво взглянув на меня» [105, с. 45];
«Абрӯвони камонаш ва чашмони муғулаш дилкашанд» – «Притягательны ее миндалевидные глаза и изгиб бровей» [106, с. 34];

Аз он рӯзе, ки чашмони сиёху наргисат дида,

Диларамро бо худмаш бурда ду чашми дилрабои ту – заманчивый взгляд. [107, с. 128];

ذ رشک زرگس مستش خروشاژ

زرش کس جانکه نسپر د حالی – *زرگس مستش* – *хмельные глаза* [108, с. 50].

Сложность лексики по сравнению с другими формами языка никем не оспаривается. Нет ничего удивительного в том, что и состав лексических единиц является гораздо более сложным, чем состав других единиц языка. Однако и там различные элементы могут играть неодинаковую роль. Интересно в этой связи обратиться, прежде всего, к фонологии, в которой как раз возникло и развивалось учение о дифференциальных признаках.

Так, в составе фонем также могут быть обнаружены различные по своей роли признаки. А. А. Реформатский отмечает, что одни из признаков фонем «являются различительными (или дифференциальными)», когда только по данному признаку какая-либо фонема отличается от другой, другие признаки – «неразличительные», а лишь «наполняющие» состав фонемы (интегральные), так как нет другой фонемы, прямо и однозначно противопоставленной по этому признаку (например, признак взрывности у русского (г) ввиду отсутствия у фрикативных и носовых согласных того же места образования в русской фонетике [112, с. 103-125].

Как мы видели, в значениях слов также обнаруживаются два вида признаков: одни из них являются дифференциальными, существенными для парадигматических противопоставлений, другие интегральными (поскольку ими не обуславливаются собственно парадиг-

матические противопоставления) «заполняют» лексическое содержание слов. Эти признаки могут быть также названы интегральными, семантическими признаками.

Отличие денотативов от единиц других семантических типов заключается, таким образом, в том, что первым свойственны только интегральные элементы значения, в то время как для других единиц существенны дифференциальные элементы.

Это не означает, что значения парадигматически противопоставленных слов не включают в себя интегральных признаков. Устанавливая парадигматические отношения между словами *глаза – чаши, лицо – чехра, губы – лаб*, мы выделяем, естественно, в значениях этих слов не только дифференциальные элементы, но также и то общее, что их объединяет, а именно: компонент «части тела», который должен рассматриваться здесь как нерасчлененный интегральный признак.

Было бы неправильно полагать, что между различными по своей семантической организации типами слов проходит вполне четкая и непреодолимая граница. Существуют такие группы слов, значения которых в основном определяются именно несопоставимыми друг с другом интегральными признаками, но для которых устойчивыми оказываются и определенные противопоставления. С ними связано потенциальное выделение в составе соответствующих значений тех или иных дифференциальных признаков. Ср. в русском языке: *вода* и *земля, небо* и *земля*. С такой ситуацией мы встречаемся не только при анализе «конкретной лексики».

Слова с наиболее общими значениями оказываются близкими к денотативам в том отношении, что их значения в основном также определяются не дифференциальными в строгом смысле признаками: ср. значение слов в сопоставляемых языках: *живой* (взгляд), *бехис – бесчувственный, чашиmoni бехис*. Важное отличие денотативов состоит в том, что сами эти значения часто «совпадают» с семантическими элементами, выделяемыми в других значениях (*пурхашм – гневный, яростный* – это «состояние человека»).

Значение слова *живой* для нас столь же неразложимо на семантические элементы, как и значение слова *чаши́м – глаза*, однако ясно, что эта «неразложимость» совсем иного рода, она обусловлена не отягощенностью слова «индивидуальными», «предметными» признаками, а, напротив, полным отсутствием таких признаков, преобладающей сигнификативной функцией слова. Поэтому, наряду с интегральными и дифференциальными семантическими признаками, существует основание различать категориальные семантические признаки, играющие совершенно особую роль в семантической организации лексики.

При необходимости весь словарный состав языка может быть представлен разбитым на определенные классы, образуемые пересечением именно категориальных признаков. При этом интегральные признаки будут балластом, который наслаивается на отдельные единицы полученных классов и подклассов лексики, а дифференциальные признаки – тем связывающим началом, которое определенным образом организует данные единицы внутри классов и подклассов. Следует только иметь в виду, что дифференциальные признаки по самой своей сущности имеют двойственную природу. Они могут основываться на отражении в лексике самых общих логических категорий, как бы исчерпывая содержание противопоставляемых слов (ср.: *большой – маленький*), и на отражении очень частных конкретных предметов (ср. в таджикском языке: *шахло – чаши́м*).

В первом случае они примыкают к категориальным признакам (*большой – маленький*) – «признак размера», во втором – не всегда даже вполне отчетливо вычленяются из комплексов интегральных признаков (*чаши́м – орган зрения, шахло – глаза + красивые глаза*).

Терминологический разнобой в обозначении элементов значений слов настолько велик, что вряд ли стоит вводить без более необходимых обоснований новые термины. Однако учитывать указанное различие весьма важно как при изложении теоретических соображений, так и при конкретном исследовании различных групп лексики.

Таким образом, прежде чем сделать общие выводы о парадигматических и синтагматических отношениях в сопоставляемых языках, на наш взгляд, здесь уместно процитировать постулат Ф. де Соссюра относительно парадигматических и синтагматических отношений: «В языке различаются два вида основных типов отношений: парадигматические и синтагматические. Парадигматические отношения – это отношения между языковыми единицами, могущими занять место друг друга в одной и той же позиции. Синтагматические отношения – это линейные отношения между языковыми единицами в потоке речи. Парадигматические отношения – отношения “или – или”, или, точнее, отношения исключающей дизъюнкции в логическом смысле слова. Синтагматические отношения – отношения “и – и”, или логической конъюнкции» [140, с. 107].

Из сказанного следует, что те и другие отношения совершенно различны.

Следовательно, парадигматика и синтагматика резко, скачкообразно противопоставлены друг другу, и их соотношение иллюстрируется и обычно схематизируется аналогией с двумя осями, пересекающимися под прямым углом, из них горизонтальная ось – синтагматика, вертикальная – парадигматика (схема 1):

Схема 1. Соотношение синтагматики и парадигматики

В языке существует и новый постулат, который гласит: в языке различаются два основных типа отношений: первичные – синтагматические отношения и вторичные – парадигматические. Синтагматические отношения – это отношения сосуществования и последовательности во времени, отношения «и – и». Парадигматические отношения – отношения между языковыми единицами, которые чередуются друг с другом в одной и той же позиции или определенным образом совмещаются друг с другом в одной и той же позиции. Парадигматика и синтагматика не резко, не скачкообразно противопоставлены друг другу. Парадигматические отношения могут быть приравнены к отношениям «или – или» логически исключающей дизъюнкции, только в пределе или в приближении к нему. Соотношение парадигматики и синтагматики (его можно сравнить с интегралом в математике) схематизируется следующим образом (схема 2):

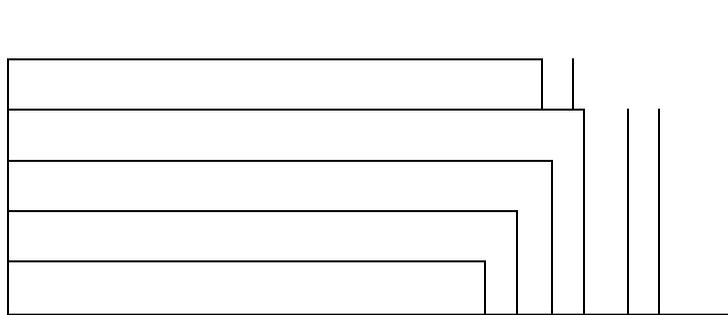

Схема 2. Соотношение парадигматики и синтагматики

В первой формулировке приведенного выше суждения подразумевается, что языковая единица (или знак), имеющая материальную природу, является в силу этого всегда протяженной. При построении парадигматики, по нашему мнению, нельзя отвлекаться от протяженности элементов и рассматривать их только как элементы оппозиций, как

чисто оппозитивные сущности. Будучи протяженным, каждый языковой элемент, входя в оппозиции в парадигматике, соответствует не просто месту в речевой цепи в синтагматике, но месту определенной протяженности. Протяженность присутствует, таким образом, как в синтагматике, так и в парадигматике, и этим определяется смысл нового постулата.

Нередко отношения между парадигматикой и синтагматикой сводят к следующей слишком общей формулировке: языковые единицы, находящиеся в парадигматике в отношении оппозиции, вступают в синтагматике в отношение контраста. Этому при новой формулировке противопоставляется развернутое положение: оппозиции и контраст находятся в градуальных соотношениях; отношение оппозиции в парадигматике обратно пропорционально отношению контраста в синтагматике. Чем сильнее оппозиция, тем слабее контраст, и наоборот. В самой общей форме можно констатировать зависимости следующего типа:

- 1) привативная оппозиция;
- 2) эквиолентная оппозиция;
- 3) дизъюнктивная оппозиция.

Все вышеизложенное относительно парадигматических и синтагматических отношений представляет собой языковую универсалию.

Здесь необходимо отметить, что эти отношения по-разному проявляются в сопоставляемых языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Относительно национальной специфики синонимии следует отметить, что основное различие между синонимией в русском, таджикском и персидском языках обнаруживается при нейтрализации лексических единиц. Наши наблюдения показали, что нейтрализация имеет место не только в словосочетаниях, но и в более широком контексте. При нейтрализации, как известно, стираются смысловые различия слов. Русские синонимы содержательны, они различаются оттенками значений, реализующимися в речи. Персидские и таджикские синонимы часто – тождественные знаки, их различия в речи не реализуются, а нейтрализуются. Следовательно, варьирование средств выражения не всегда связано с варьированием мысли. Стирание различий между синонимами ведет к «абстрагированию» словаря, его удалению от реальной действительности, ослаблению его непосредственной связи с определенными явлениями объективной реальности. Отсюда и разительная легкость переносов значений в таджикской и персидской лексике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Стернин, И. А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – 189 с.
2. *Стернин, И. А.* Указ. соч. – С. 46.
3. *Есперсен, О.* Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен. – М. : Иноиздат, 1958. – 408 с.
4. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 44 с.
5. *Шмелев, Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
6. *Гак, В. Г.* Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 764 с.
7. *Апресян, Ю. Д.* Проблема синонима [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84-88.
8. *Тендряков, В.* За бегущим днем [Текст] : роман / В. Тендряков. – М. : Молодая гвардия, 1960. – С. 23.
9. СРЯ. – Т. 1. – С. 89.
10. СРЯ. – Т. 1. – С. 474.
11. *Горький, М.* Мать [Текст] / М. Горький. – М. : Художественная литература, 1951. – С. 45.
12. СРЯ. – Т. 1. – С. 784.
13. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – С. 67.
14. ТРС. – С. 786.
15. ФЗТ. – Ч. 2. – С. 867.
16. ТРС. – С. 153.
17. *Турсун, С.* Серузи як бахор [Текст] / С. Турсун. – Душанбе : Ирфон, 1985. – С. 34.
18. *Турсун, С.* Указ. соч. – С. 40.

19. ПРС. – Т. 1. – С. 589.
20. ПРС. – Т. 1. – С. 654.
21. ПРС. – Т. 1. – С. 590.
22. *Апресян, Ю. Д.* Проблема синонима [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84-88.
23. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 252.
24. *Горбачевич, К. С.* Словарь эпитетов русского литературного языка [Текст] / К. С. Горбачевич. – Л. : Наука, 1979. – С. 211.
25. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т./ В. И. Даль. – М. : РиполКлассик, 2007. – С. 514.
26. *Тютчев, Ф. И.* Лирика. Стихотворения 1824-1873 [Текст] / Ф. И. Тютчев. – М. : Проспект. – 345 с.
27. *Лихачев, Д. С.* Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д. С. Лихачев. – М. : Наука, 1979. – 376 с.
28. *Лихачев, Д. С.* Указ. соч. – С. 110.
29. *Лихачев, Д. С.* Указ. соч. – С. 137.
30. *Лихачев, Д. С.* Указ. соч. – С. 27.
31. *Лихачев, Д. С.* Указ. соч. – С. 38.
32. *Золотова, Г. А.* Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 540 с.
33. *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику [Текст] : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2004. – 384 с.
34. *Залевская, А. А.* Указ. соч. – С. 310.
35. *Рахимзода, Б.* Хадяхои Терек [Текст] / Б. Рахимзода. – Душанбе : Ирфон, 1986. – С. 38.
36. *Лоиќ, Ш.* Указ. соч. – С. 35.
37. *Куприн, А. И.* Жидовка [Текст] / А. И. Куприн. – М. : Седьмая книга, 2014. – С. 35.

38. *Лажечников, И. И.* Ледяной дом [Текст] / И. И. Лажечников. – Смоленск: Смоленское книжное издательство. – С. 28.
39. *Фадеев, А.* Разгром. Молодая гвардия [Текст] / А. Фадеев. – М.: Художественная литература, 1968. – С. 98.
40. ФЗТ. – Ч. 2. – С. 573.
41. ФЗТ. – Ч. 2. – С. 577.
42. *Сорбон, А.* Чўги [Текст] / А. Сорбон. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С. 34.
43. *Турсун, С.* Ёиссаи марди гахворасоз [Текст] / С. Турсун. – Душанбе: Маориф, 1982. – С. 242.
44. *Турсун, С.* Указ. соч. – С. 243.
45. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 16.
46. *Мельчук, И. А.* Русский язык в модели «Смысл–Текст» [Текст] / И. А. Мельчук. – М.: Языки русской культуры; Вена: Вен. славист. альм., 1995. – 682 с.
47. *Александрова, П. С.* Словарь синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1968. – 600 с.
48. *Уемов, А. И.* Проблемы синонимов и современная логика [Текст] / А. И. Уемов. – М.: Наука, 1961. – С. 26-48.
49. *Камолитдинов, Б.* Хуснибаён [Текст] / Б. Камолитдинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – С. 77.
50. *Островский, А. Н.* Не было ни гроша, да вдруг алтын [Текст] / А. Н. Островский. – М.: Искусство, 1949. – С. 78.
51. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 858.
52. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 858.
53. *Хироти, А.* Осори Мунтахаб [Текст] / А. Хироти. – Душанбе: Адиб, 1996. – С. 190.
54. *Хироти, А.* Указ. соч. – С. 335.
55. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 369.
56. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 369.
57. *Мельчук, И. А.* Указ. соч. – С. 435.

58. *Шмелев, Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – С. 123.

59. *Цветаева, М.* Собрание сочинений [Текст] : в 7 т. / М. Цветаева. – М. : Эллис Лак, 1994 – Т. 6. – С. 23-35.

60. *Казаков, Ю.* Тихое утро [Текст] / Ю. Казаков. – М. : Детская литература, 1973. – С. 23.

61. *Евгеньева, А. П.* О некоторых особенностях лексической синонимии русского языка [Текст] / А. П. Евгеньева // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 56-74.

62. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 9.

63. *Ибни Ямини Фарюмони.* Гулшани адаб. Ёазалиёт [Текст] / Ибни Ямини Фарюмони. – Душанбе : Ирфон, 1989. – С. 328.

64. *Ибни Ямини Фарюмони.* Указ. соч. – С. 328.

65. *Тендряков, В.* Указ. соч. – С. 12.

66. *Балли, Ш.* Указ. соч. – С. 169.

67. *Куприн, А. Н.* Повести и рассказы [Текст] / А. Н. Куприн. – М. : Художественная литература, 1961. – Т. 1. Болото. – С. 78.

68. *Гончаров, И. А.* Фрегат «Паллада» [Текст] / И. А. Гончаров. – М. : Наука, 1986. – С. 90.

69. *Капранов, В. А.* Лугати мухтасари синонимия и Руси точки [Текст] / В. А. Капранов. – Душанбе : Ирфон, 1985. – 319 с.

70. *Ожегов, С. И.* Указ. соч. – С. 234.

71. *Александрова, П. С.* Словарь синонимов русского языка [Текст] / И. С. Александрова ; под ред. П. А. Чешка. – М. : Русский язык, 1968. – 600 с.

72. *Тургенев, И. С.* Собрание сочинений [Текст] : в 12 т. / И. С. Тургенев. – М. : Художественная литература, 1976. – Т. 2 : Рудин. Дворянское гнездо. – 482 с.

73. *Чехов, А. П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения. Т. 2. Размазня [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1983. – 320 с.
74. *Казаков, Ю.* Указ. соч. – С. 14.
75. *Арсеньев, В.* Сквозь тайгу [Текст] / В. Арсеньев. – М. : Вече, 2015. – С. 78.
76. *Солоухин, В.* Владимирские проселки [Текст]. – М. : Художественная литература, 1958. – С. 145.
77. *Виноградов, В. В.* Об омонимии и смежных явлениях [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3-17.
78. *Виноградов, В. В.* Указ. соч. – С. 12-16.
79. *Звегинцев, В. А.* Семасиология [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 338 с.
80. *Звегинцев, В. А.* Указ. соч. – С. 174.
81. *Панов, М. В.* О слове как единице языка [Текст] / М. В. Панов. – М., 1956. – Т. 51. – С. 129-165.
82. *Самадов, А.* Сипох [Текст] / А. Самадов. – Душанбе : Адиб, 1982. – С. 178.
83. *Турсун, С.* Указ. соч. – С. 280.
84. *Ельмслев, Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117-136.
85. *Шмелев, Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
86. *Капанадзе, Л. А.* Взаимодействие терминологической и общепотребительной лексики [Текст] / Л. А. Капанадзе // Развитие современного русского языка. – М., 1965. – С. 85-103.
87. *Апресян, Ю. Д.* Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М., 1962. – Вып. 5. – С. 52-72.
88. *Апресян, Ю. Д.* Указ. соч. – С. 19.

89. *Куприн, А. И.* Изумруд [Текст] / А. И. Куприн. – М. : Детская литература. – С. 49.
90. *Гаршин, В.* Из воспоминаний рядового Иванова [Текст] / В. Гаршин. – М. : Эксмо, 2008. – 27 с.
91. *Степанова, Г. В.* Введение в семасиологию русского языка [Текст] : учеб. пособие. – Калининград : КГУ, 1980. – 72 с.
92. *Паустовский, К.* Сказочник [Текст] / К. Паустовский. – М. : Махаон, 2004. – С. 45.
93. *Шукшин, В.* Любавины [Текст] / В. Шукшин. – М. : Художественная литература, 1991. – С. 35.
94. *Толстой, Л.* Альберт [Текст] / Л. Толстой. – М. : Художественная литература, 1979. – С. 56.
95. *Каверин, В.* Два капитана [Текст] / В. Каверин. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1955. – С. 89.
96. *Лидин, В.* Люди и встречи [Текст] / В. Лидин. – М. : Советский писатель, 1961. – С. 67.
97. *Малышкин, А.* Севастополь [Текст] / А. Малышкин. – М. : Вече, 2014. – С. 34.
98. *Лермонтов, М. Ю.* Измаил Бей [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – М. : Лань, 2013. – С. 23.
99. *Смеляков, Я.* Стихи [Текст] / Я. Смеляков. – М. : Художественная литература, 1967. – С. 78.
100. *Полонский, Я. П.* Старый сазандар [Текст] / Я. П. Полонский. – М. : Лань, 2013. – С. 2.
101. *Гончаров, И. А.* Обрыв [Текст] : роман / И. А. Гончаров. – М. : Художественная литература, 1984. – С. 89.
102. *Галин, Б.* Чудесная сила [Текст] / Б. Галин. – М. : Советский писатель, 1954. – С. 56.
103. *Гак В. Г.* Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слов [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 97-105.
104. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 16.

105. *Самадов, А.* Сипох [Текст] / А. Самадов. – Душанбе : Адиб, 1982. – С. 45.
106. *Турсун, С.* Қиссаи марди гахворасоз [Текст] / С. Турсун. – Душанбе : Маориф, 1982. – С. 34.
107. ФЗТ. – Ч. 1. – С. 128.
108. *Ганчави, Н.* Хусрав ва Ширин [Текст] / Н. Ганчави. – Душанбе : Адиб, 1984. – С. 50.
109. *Брагинский, И. С.* Иранское литературное наследие [Текст] / И. С. Брагинский. – М. : Наука, 1984. – 296 с.
110. *Оранский, И. М.* Введение в иранскую филологию [Текст] / И. М. Оранский ; сост. И. М. Стеблин-Каменский ; отв. ред. А. Л. Грюнберг. – Изд. 2-е доп. – М. : Наука, 1988. – 388 с.
111. *Пригарина, Н. И.* Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке [Текст] / Н. И. Пригарина // Восточная поэтика: специфика художественного образа : сб. ст. / отв. ред. П. А. Гринцер. – М., 1983. – С. 89-108.
112. *Реформатский, А. А.* Термин как член лексической системы языка [Текст] / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1968. – С. 103-125.
113. *Соссюр, Ф. де.* Указ. соч. – С. 107.
114. *Щур, Г. С.* Теории поля в лингвистике [Текст] / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 255 с.
115. *Ульман, С.* Дескриптивная семантика и лингвистическая типология [Текст] / С. Ульман // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 17-44.
116. *Пешковский, А. М.* Избранные труды [Текст] / А. М. Пешковский. – М. : Просвещение, 1959. – 251 с.
117. *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка [Текст] : пособие для студентов вузов / А. А. Шахматов. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.
118. *Леонтьев, А. А.* Проблемы развития психики [Текст] / А. А. Леонтьев // Психолингвистика в очерках и извлечениях : хресто-

матия для студентов вузов / авт.-сост. А. П. Кирьянов [и др.]. – М., 2003. – С. 297-302.

119. *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику [Текст] : учеб. для студентов вузов / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 384 с.

120. *Ромметвейт, Р.* Слова, значения и сообщения [Текст] / Р. Ромметвейт // Психолингвистика за рубежом : сб. ст. / отв. ред. А. А. Леонтьев, П. В. Сахарный. – М., 1972. – С. 53-87.

121. *Чанышева, З. З.* Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотаций зоонимов с антропологической семантикой [Текст] / З. З. Чанышева, Р. К. Асабин // Вестник Башкирского государственного университета. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 1458-1460.

122. *Гришаева, Л. И.* Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Л. И. Гришаева, Л. В. Цурикова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. – 336 с.

123. *Стернин, И. А.* Концепт и значение [Электронный ресурс] / И. А. Стернин. – Режим доступа: http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a#a (дата обращения: 10.10.2010).

124. *Шведова, Н. Ю.* Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) [Текст] / Н. Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования : сб. ст. / отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1967. – С. 3-77.

125. *Москальская, О. И.* Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка) [Текст] : учеб. пособие для пед. ин-тов / О. И. Москальская. – М. : Высшая школа, 1974. – 175 с.

126. *Панфилов, В. З.* Философские проблемы языкознания: гносеологический аспект [Текст] / В. З. Панфилов ; отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1977. – 286 с.

127. *Распопов, И. П.* Несколько замечаний о синтаксической парадигматике [Текст] / И. П. Распопов // Вопросы языкознания. – 1969. – № 4. – С. 92-100.

128. *Посох, А. В.* Компонентный анализ семантики [Текст] / А. В. Посох // Методы изучения лексики / под ред. А. Е. Супруна. – Минск, 1975. – С. 38-47.

129. *Улько, В. Ф.* Опыт компонентного анализа семантической структуры прилагательных, обозначающих слабость (на примере прилагательных английского языка) [Текст] / В. Ф. Улько // Научные труды Кубанского университета. – Краснодар, 1976. – Вып. 214 : Английская филология. – С. 57-64.

130. *Буслаев, Д. А.* Опыт компонентного анализа существительных, обозначающих эмоции в английском языке [Текст] / Д. А. Буслаев // Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков / отв. ред. Г. Е. Ведель. – Воронеж, 1972. – Вып. 4. – С. 98-117.

131. *Алефиренко, Н. Ф.* Когнитивно-семиологическая теория слова [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2006. – № 5 (45). – С. 102-110.

132. *Берестнев, Г. И.* К философии слова: (лингвокультурологический аспект) [Текст] / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 37-65.

133. *Васильев, С. А.* Философский анализ гипотезы лингвистической относительности [Текст] / С. А. Васильев. – Киев : Наукова думка, 1974. – 195 с.

134. *Пахомова, И. Н.* Коннотация и лексическая семантика слова [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Пахомова И. Н. ; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 21 с.

135. *Ревзина, О. Г.* О понятии коннотации [Текст] / О. Г. Ревзина // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию К.В. Горшковой / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова ; сост. Е. А. Голинская, Е. В. Клобукова. – М., 2001. – С. 436-446.

136. *Шаховский, В. И.* Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [Текст] / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения : межвуз. сб. науч. работ / Волгоград. гос. пед. ин-т

им. А.С. Серафимовича ; отв. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград, 1990. – С. 65-75.

137. *Адмони, В. Г.* Основы теории грамматики [Текст] / Г. В. Адмони. – М. : Наука, 1964. – 108 с.

138. *Ломтев, Т. П.* Принципы выделения дифференциальных семантических элементов [Текст] / Т. П. Ломтев // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание : изб. работы. – М., 1976. – С. 272-288.

139. *Есперсен, О.* Философия грамматики [Текст] / О. Есперсен ; пер. с англ. В. В. Пасека. – М. : Иноиздат, 1958. – 408 с.

140. *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Ю. Н. Караулова [и др.]. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.

141. *Rastier, F.* Semantique interpretative [Текст] / F. Rastier. – Paris : Presse University de France, 1987. – 277 p.

Научное издание

**Национальная специфика языков
(на материале семантической
синонимии персидского
и русского языков)**

Уральский государственный педагогический университет.

620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.me